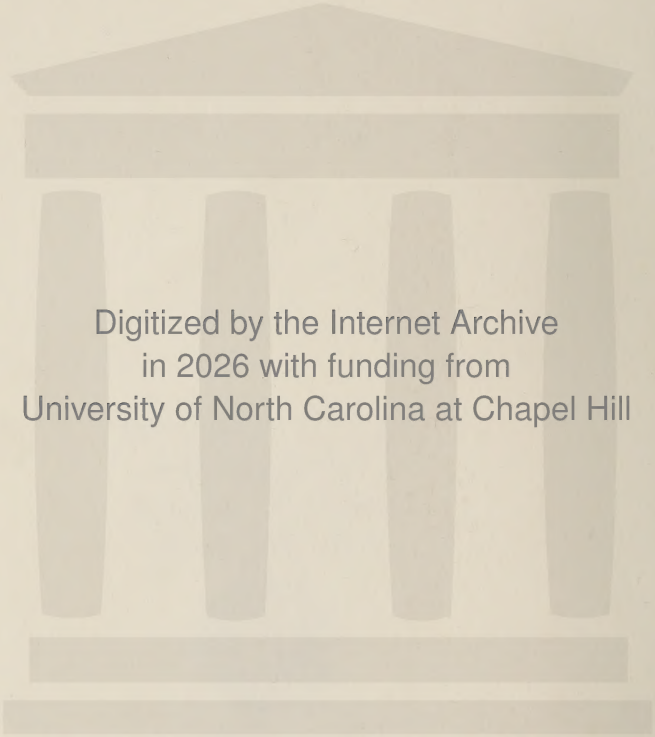
Z1005
.V55

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Z1005
.V55

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000829597 1


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/bibliografiiaiso00vlad

И. В. ВЛАДИСЛАВЛЕВ

*

БИБЛИОГРАФИЯ И СОЦИАЛИЗМ

*

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ КНИГОВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 • 9 • 2 • 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Библиографическое дело. Сборник. Под ред. Н. Ф. Яницкого. Стр. 163. Ц. 2 р.

Шнеерсон, Б. С. Библиографический указатель к собранию сочинений Н. Ленина (В. Ульянова). 1893—1923 г. Стр. 154. Ц. 85 к.

Шнеерсон, Б. С. Библиографический указатель к XX, дополнительному тому собрания сочинений Н. Ленина (В. Ульянова) (1895—1922). Со списками изданий, в которых впервые появились произведения Ленина, и псевдонимов, которыми он пользовался. Стр. 61. Ц. 50 к.

Ташкаров, П. — Литературные работы В. И. Ленина в 1917 г. Библиографический указатель к работам В. И. Ленина в период февраль—октябрь 1917 г. Стр. 151. Ц. 1 р.

Данишевский, С. Л. Опыт библиографии Октябрьской революции. Под. ред. и с предисл. С. Пионтковского. Стр. 276. Ц. 2 р. 50 к.

Добраницкий, М. Систематический указатель литературы по истории русской революции. Стр. 152. Ц. 2 р. 50 к.

Дурденевский, В. и Берцинский, С. Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие (1918-1920). Стр. 270. Ц. 3 р. 50 к.

Святловский, В. В. Каталог утопий. Стр. 99. Ц. 1 р.

Указатель изданий по книговедению, выпущенных Государственным Издательством РСФСР за 5 лет (1919-1924). Стр. 143. Ц. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

И. В. ВЛАДИСЛАВЛЕВ

Z1005
.V55

БИБЛИОГРАФИЯ И СОЦИАЛИЗМ

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ
МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ КНИГОВЕДЕНИЯ

★

ДОКЛАД
прочитанный на II Всероссийском
библиографическом съезде

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

BIBLIOGRAFIIA I
SOTSIALIZM

1 9 2 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

J. W. WLADISLAWLEW

★

BIBLIOGRAPHIE UND SOZIALISMUS

Zur Frage über Aufbau der marxistischen Theorie der Bücherkunde

VORTRAG
gehalten auf dem II Allrussischen Bibliographischen Kongress

Главлит № А-16467. С. 9. Гиз № 25976. Заказ № 1267. Тираж 3 000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ

★

Стр.

I. Предисловие 5
II. Доклад . . . . . 17—71
A) Введение. (Революция в области научной методологии как знамение эпохи). 17
B) Общие методологические предпосылки 21
C) Предмет библиографии 37
D) Метод библиографии 53
III. Тезисы к докладу 72
IV. Примечания к докладу (27 г.) 76

INHALT

★

I. Vorwort 5
II. Vortrag . . . . . 17—71
A) Einleitung. (Revolution auf dem Gebiete der wissenschaftlichen Methodologie als Kennzeichen der Epoche). 17
B) Die Grundprinzipien der materialistischen Dialektik . 21
C) Objekt der Bibliographie 37
D) Methode der Bibliographie 53
III. Thesen zum Vortrag. 72
IV. Bemerkungen zum Vortrag 76

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Dans les choses du monde presque toute question n'est qu'une question de methode».

La Bruyère.

«Культурная революция»! О том, что она «настойчиво стучится к нам в двери» (Н. Бухарин), много стали писать на рубеже великого революционного десятилетия. Этим заполнены страницы наших журналов и газет. Об этом ведутся оживленные дискуссии. Очевидно, мы вступили в период, когда жизнь начинает властно требовать укрепления отставшего фронта революции — культурного фронта.

В чем же должно выражаться прежде всего это укрепление фронта культуры?

Культурная революция — это в первую очередь революция в области методов, которыми оперирует культурный фронт, это в первую очередь — революция в области методологии различных научных дисциплин. Старые методы старой культуры вынашивались и вырабатывались в старом обществе отнюдь не для тех целей, которые стоят перед социализмом: получить на разных участках культурного фронта такое оружие, которое максимально облегчало бы человечеству разрешение двуединой задачи — разрушение общества, построенного на началах частной собственности и эксплоатации, и служение интересам вновь нарождающегося социалистического общества.

Поэтому-то последнее пятилетие, когда миновала полоса чисто физической гражданской войны, и ознаменовано было у нас острой «гражданской войной» на методологическом фронте. Во всех областях знания кипели на этом фронте горячие бои. В историческом аспекте это являлось необходимым завершающим этапом развития научной марксистской мысли, как это кратко сформулировано было В. И. Лениным в известных его словах: «В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия».

Раскрывая перед культурным фронтом небывалые перспективы и задачи, вооружая его несравненным оружием диалектики, социализм оплодотворяет научную методологию, движет методологически науку вперед. Все общественные дисциплины вступают на наших глазах в эпоху великой «переоценки ценностей», в эпоху социалистического возрождения научной мысли. Это — не реформа отдельных частных методов, это — действительная революция во всей методологической установке научных дисциплин, о чем, напр., с такой яркостью свидетельствует та революция, которая происходит за последние годы в области близких к нам дисциплин литературоведения и искусствоведения. Не меньшую роль призвана сыграть марксистская методология и на столь важном сейчас для нас и столь теоретически отставшем фронте, как книговедение. И эту науку нам надо диалектизировать, и здесь нам надо, разрушив формально-схоластическое понимание истины, заменить его историческим пониманием истины, т. е. научить понимать социально-историческую обусловленность тех или иных книговедческих

построений, представляющих собою лишь теоретическое выражение определенной практики определенного общественного класса в определенный исторический период, но отнюдь не имеющих общезначимого характера.

Положить основание работе в этом направлении и ставил себе целью наш доклад на II Всероссийском библиографическом съезде, носивший название: «Методология библиографии и теория диалектического материализма». Предмет и метод библиографии, пересмотренные по-новому, под углом революционной теории научного социализма, — вот его тема. Борьба за более углубленное понимание самого предмета библиографии и ее социальной роли, борьба за вооружение книговедения более научными, т. е. более целесообразными и более гибкими методами, увеличивающими социальный эффект работы, — вот его задача.

У буржуазии, оперирующей формальными абстрактными истинами, теория выродилась в отвлеченную схему, оторванную от живой конкретной действительности. «Для революционера же, — как хорошо выразился как-то Г. В. Плеханов, — целесообразность — все, а формальность — ничто» (статья «Теперь молчание невозможно»).

Формально-схоластическая мысль всецело процветает еще в теоретических построениях буржуазного книговедения и в его практике. Она всегда будет противостоять революционной «целесообразности», ибо цели-то у нее иные, чем у революции. А различие в целях определяет и различие в методах. Любопытно отметить, что и в этом маленьком уголке науки с удручающим однообразием «история повторяется»: книговедческие теоретики старой школы исходят, конечно, из имманентности развития книговедческой истории и в своих обоснованиях некоторые из них ищут опоры все у того же Риккерта с его

«индивидуализирующим» методом для общественно-исторических дисциплин. Этот хлам они пытаются противопоставить научной методологии общественных дисциплин— теории исторического материализма!

И если в связи с нашим докладом небольшой группе книговедов-марксистов удалось провести на съезде резолюцию о том, что «*разработка теории библиографии должна быть построена на принципах исторического материализма*», то наивно, конечно, было бы относить это за счет преобладающего умонастроения книговедческих кругов. Борьба за научное, т. е. историческое, мировоззрение в области книговедения только что начинается. Книговедами-марксистами очень и очень мало еще сделано для построения марксистской теории и методологии книговедения *). Многие далеки еще от самой мысли,

---

*) Для построения нашей синтетической теории будут ценны прежде всего исследования в области проблемы читательства Я. М. Шафир и труды Д. А. Балика (частью на украинском языке, особенно его ст. «Про рекомендаційну бібліографію» в сборнике «Бібліографія на Україні» 1927 г. и ст. «Ще про наукові та організаційні проблеми книговивчення» в журн. «Бібліологічні Вісті» — с критикой теорий М. Куфаева). Очень интересен для нас, как первый опыт (ср. характерную «критику» в «Ежегоднике Книжной Палаты» за 1925 г., стр. 24), классовый анализ эволюции библиотековедческой мысли у Я. В. Ривлина (в брош. «Читатель и книга». Харьков. 1925 г.) (ср. также отчасти у А. А. Покровского в его статье в «Большой Сов. Энциклопедии», т. IV). Весьма ценны для разработки некоторых частных сторон нашей теории сделанные на II съезде доклады Л. Н. Троповского, А. Г. Фомина (говорившего вполне языком диалектика, хотя внешне и не связывая своего изложения с марксистской теорией), И. П. Жука, О. Э. Вольценбурга и нек. др., а также некоторые работы и выступления Б. О. Боровича, М. А. Годкевича, П. Гурова, Ю. А. Меженко, Я. С. Розанова, А. Е. Кипермана, А. Бека, В. А. Невского, А. А. Покровского, М. Ясинского, Л. Ю. Быковского (на укр. яз.) и нек. др. Но это, кажется, и все почти, чем мы располагаем за десять лет в области нашей теории, если не говорить о выступлениях общего

что между их книговедческим profession de foi и их научно-социалистическим мировоззрением должно существовать органическое единство.

М. Н. Покровский, подводя недавно итоги школьной работе, сказал с присущим ему остроумием, что за 10 лет революции наши педагоги научились только немного говорить по-нашему, а думают-то они по-своему, т. е. в массе своей всё так же далеки от научного историко-материалистического мировоззрения, как и раньше.

На нашем фронте книговедческой теории дело обстоит иначе: у нас не только думают, но и говорят еще в значительной мере «по-своему». Это, пожалуй, и не плохо: мы против защитной фразеологии и за то, чтобы слова соответствовали действительному мировоззрению. Но уже совсем скверно, когда продолжают

характера, да подчас ценных, разбросанных по нашей периодике, отдельных замечаний (ср., напр., критику Ст. Кривцовым некоторых теоретических положений сборника «Библиографическое дело» в органе Отд. Печати ЦК ВКП «Красная Печать» 1928 г. № 8). Как бы то ни было, а завоевания у нас известные есть и в области книговедческой теории. Буржуазия укрепляла, так или иначе, свои теоретические позиции на книговедческом фронте долгие десятилетия. Научно-социалистическая мысль подошла вплотную к вопросам книговедческой теории и методологии, в сущности, всего несколько лет, но уже и сейчас всякому становится ясно, что именно ей будет принадлежать руководящая роль в деле построения книговедческой науки. Само собой понятно при этом, что социалистическая теория ни в какой мере не склонна отказываться от «наследства», даже наиболее методологически сомнительного, памятуя, что и у тех, кто опирается при построении теории не на материализм и диалектику, а на идеализм и метафизику, можно часто встретить, как об этом свидетельствует история науки, чрезвычайно ценные *частные* замечания и соображения. Социалистической теории предстоит только объединить и переработать все это о р г а н и ч е с к и, избегая каких-либо эклектических соединений.

Насколько трудно еще нашей дисциплине пробиваться сквозь толщу метафизических и идеалистических построений старой школы,

разговаривать «по-своему» даже в таких местах, как, напр., марксистская «Большая Советская Энциклопедия». Некоторые из принципиально важных книговедческих статей и заметок, появившихся здесь, совершенно беспомощны в научно-методологическом отношении и по-старому трактуют вопросы книговедения вполне «имманетно». Ни в малейшей мере не делают они даже и попытки научно осознать книговедческие дисциплины, их теорию и их практику, как явления социально-исторические, изменяющиеся вместе с эволюцией классовой борьбы в классовом обществе. Какой же руководящий материал могут они дать научной книговедческой мысли? Как могут они выполнить основную для

показывает, например, только что вышедшая книжка Н. М. Сомова («Критическая библиография». М. 1928 г.). Наш уважаемый товарищ заявляет себя сторонником диалектического материализма (стр. 8). Это — очень хорошо. Но очень плохо, что автор не постарался уяснить себе, к чему его обязывает это методологическое признание в смысле метода исследования. Вся материалистическая диалектика воспринимается им как будто бы в аспекте лишь упрощенного экономизма (стр. 8), тоже, впрочем, не получающего никакого применения. Философская же и социологическая концепция марксизма целиком выпадают из его поля зрения. Не удивительно, что самые дикие подчас теории и положения, пересказываемые или цитируемые автором, не находят с его стороны нужного критического освещения: и отрыв частной методологии отдельных научных дисциплин от всеобщей методологии наук, и трактовка «формального» метода, как самостоятельно противостоящего социологическому (марксистскому), и нагромождение таких «дисциплин», как куфаевский «библио-социологический» мезонин и т. п. В сущности, на тех страницах, которые посвящены теории книговедческих дисциплин, мы имеем своеобразный эклектический «парламент мнений», где не делается часто даже и попытки дать руководящую принципиальную линию. Каждый скажет т. Сомову спасибо за собранный в книге большой и интересный материал, за некоторые отдельные формулировки. Но каждый читатель невольно спросит себя: причем же тут, однако, диалектический материализм, о котором автор упоминает на стр. 8 своей книжки?

революционной «Энциклопедии» задачу — м е т о д о л о г и ч е с к о г о перевоспитания читателя? То же самое мы видим и в таком ответственном издании, как недавно вышедшая книжка Государственной Книжной Палаты «Библиографическое дело» (Гос. изд. М. 1927 г.). Сугубо схоластические статьи, снова и снова преподносящие «теории», против которых выступала революционная мысль и на I и на II книговедческих съездах, рекомендуются здесь в предисловии как «не подвергнувшиеся отрицательному влиянию времени»!

Вряд ли кто может сомневаться в том, что второе 10-летие революции, с его углублением борьбы на культурном фронте, закончит начатое первым 10-летием и начисто подвергнет буржуазную школу книговедения «отрицательному влиянию времени». Одерживая научные победы на фронтах посложнее, марксистская методология, надо думать, довершит свое историческое дело и на книговедческом: идейно разоружит и разрушит старую формально-схоластическую школу книговедения и создаст на ее месте научную школу, опирающуюся на диалектику и теорию исторического материализма *).

---

*) В заключительном после нашего доклада резюме председательствовавшего звучала как бы уверенность в довольно безболезненном переходе на новые методологические рельсы нашей книговедческой науки: «Сегодняшний вечер, — говорил он, — имеет для всех библиографов громадное значение — он заставляет нас с завтрашнего дня вести работу.... по пути применения диалектического материализма». Являясь не меньшими, чем уважаемый председатель, оптимистами относительно конечных результатов ведущейся борьбы за право книговедения на научное самоопределение, мы, однако, и тогда выражали большое сомнение относительно «сроков». Надо сказать правду: до сего времени история не знала еще примеров, когда воинствующая революционная теория принималась бы большинством с распростертыми объятиями, особенно революционная теория научного социализма, которую «всюду ненавидят уже три четверти столетия»

Но для более безболезненного завершения этой маленькой культурной революции необходимо скорейшее объединение работающих в области книговедения марксистских сил. За 10 лет революции у нас не было ни одного марксистского журнала, ни одного даже марксистского сборника, посвященного разработке вопросов теории и методологии книговедения! Между тем, теория научного социализма, вооружая нас бесподобным методологическим оружием для уничтожающей критики наших противников, вооружая нас вернейшим компасом для отыскания научной истины, отнюдь не дает нам г о т о в ы х ответов (отсюда — удивляющие наивных «противоречия» в среде «самих марксистов» по тому или иному вопросу) относительно конструирования всей системы положительных наших построений в любой области. Здесь предстоит длительная и сложная работа, здесь необходимы постоянное сотрудничество и дискуссия п р е ж д е в с е г о в с а м о й м а р к с и с т с к о й с р е д е. Для этого-то сотрудничества и дискуссии и необходимо кооперирование сил хотя бы пока на литературной только почве.

(М. Н. Покровский). Повидимому, и для нас, книговедов, не будет сделано исключения. В каждом уголке работы приходится революционерам преодолевать и построения сознательно-враждебной идеологии и привычную, воспитанную традициями, инертность мысли вообще, каждый шаг в о и н с т в у ю щ е й теорией должен быть з а в о е в а н. Мы даже полагаем, что, в силу своеобразно сложившихся для нашей книговедческой среды условий, методологическая борьба на нашем книговедческом фронте будет, б. м., особенно тяжела, так как часто она неизбежно должна будет бить как по фронту книговедческой буржуазии, так и по фронту книговедческой бюрократии. В книговедческой работе теория особенно тесно связана с практикой, а так как с практикой, в смысле рационального и с п о л ь з о в а н и я и р а с п р о с т р а н е н и я книжных богатств, дело обстоит у нас далеко не блестяще, то и обязывающую теорию склонны

Отнюдь не отрицая за некоторыми из старых теоретиков книговедения заслуг в прошлом (напр., Лисовский, Ловягин), революционная теория отрицает лишь за их построениями актуальное значение в настоящем. Приходится отрицать это значение и за построениями современных «эпигонов» старой школы (более теоретически подготовлен среди них — проф. Куфаев, почему главным образом и пришлось останавливаться на его построениях). То же надо сказать и о теоретических построениях буржуазной школы книговедения на Западе, напр., — беря новейшее и важнейшее, — у G. Schneider'a (ср. его, вообще говоря, ценный труд «Handbuch der Bibliographie». Leipzig. 1926 г.), или у D-r E. Horn'a (ср. его интересную статью «Was ist Bibliographie?» в журн. «Arhiv f. Bibliographie...» № 1 за 1926 г., или у L. J. Givny (ср. его доклад на «Congrès international des bibliothècaires et des bibliophiles». Paris. 1925 г.) (его трехэтажная классификация библиологических наук — с «bibliologie générale», «bibliologie speciale appliqué»

будут иногда довольно прохладно принимать даже в некоторых близких к нам кругах: на деле пересмотреть все привычные формально-схоластические методы работы — это ведь гораздо более неприятная вещь, чем повесить, напр., из красной материи плакат с надписью: «Книгу в массы (В. Ленин)», затушевывая при этом вопрос, к какой коренной ревизии научных методов работы обязывает прежде всего подобная целевая установка.

При таких условиях не будем удивляться тому, что в лето от революции 10-е книговедческая теория находится у нас все еще в достаточной мере в состоянии «анабиоза». Не будем также удивляться и тому, что воинствующей революционной теории, и без того, по самому существу своему, обреченной всегда на полемическое заострение обсуждаемых вопросов, придется на нашем отставшем фронте выступать, быть может, с особою страстностью: действие равно противодействию, и сила противодействия неизбежно развивается прямо пропорционально «действию».

и «bibliol gie pratique» — все же, однако, более дает, чем чисто формалистические fundamentum divisionis «Manuel'я»).

В брошюре «Кризис книговедения буржуазии» мы собирались дать критику теории и практики книговедения, создавшихся в капиталистическом обществе. На конкретных примерах мы хотели здесь показать, в какой тупик (в том числе и финансовый тупик) начинает все больше заходить книговедческая работа нашего времени, опираясь на теории, подменивающие проблему культуры, проблему максимального обращения, максимального использования избранной части книжных богатств — проблемой их максимального коллекционирования и самодовлеющего их «описания» и «хранения». Затем уже предполагалось издать вторую брошюру — с настоящим докладом, значительно расширив его объем.

Другие неотложные работы помешали, однако, этому. Приходится сначала выпускать настоящую работу, и притом в том виде, как она была зачитана на съезде. Все дополнительные замечания отнесены к концу текста (см. стр. 76—83).

Прошло уже больше года со времени съезда, об издании его трудов ничего пока не слышно, и откладывать далее не хочется. За это время мы получили ряд запросов об издании доклада, и надо дать возможность ознакомиться с ним широким кругам, интересующимся вопросами книговедческой теории, и в первую очередь тем, кто, подобно нам, полагает, что настало уже время для заложения основ *социалистической теории книговедения*. От этих последних мы и хотели бы прежде всего слышать слово дружественной критики. Их прежде всего призывает этот наш первый опыт к совместной работе в трудном деле исторического

анализа одной из наиболее далеко отстоящих от базиса «надстроек» *).

Москва,
декабрь 1927 г.

P. S. По просьбе издательства при цитациях иностранных источников всюду дается в скобках перевод — в предположении, что работа может интересовать отнюдь не теоретиков только книговедения, но и широкую массу книговедов-практиков, в частности — социалистические круги обширной семьи библиотечных работников.

---

*) Товарищи-книговеды, которые захотели бы обменяться мнениями по поводу некоторых из поднятых в данной работе вопросов, могут снестись с автором этих строк по адресу: Москва, почт. отд. 54, Зацепа, № 41, кв. 5.

ДОКЛАД

★

А) ВВЕДЕНИЕ (РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЛАСТИ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ КАК ЗНАМЕНИЕ ЭПОХИ)

Двадцатый век, как известно, идет в науке под флагом усиленной ревизии старых и искания новых методов. Такими исканиями были всегда наполнены переходные эпохи, эпохи революционных бурь и потрясений. Когда жизнь выдвигает все новые и новые проблемы, науке приходится все больше и больше углублять и совершенствовать свои методы, чтобы иметь возможность овладеть вновь нарождающимся опытом, который накапливает человечество.

Это обновление науки, это совершенствование ее методов проводится той идеологией, которая выражает содержание борьбы исторически «восходящего» общественного класса. Таковым на заре своей истории, своей революционной юности, в конце XVIII и начале XIX века, была буржуазия, — прогрессивная в то время сила, шедшая на смену умирающему, «нисходящему» классу — дворянству. Таковым в наши дни является «восходящий», прогрессивный рабочий класс, противопоставляющий свою научную идеологию, свою научную — социалистическую — методологию классу «нисходящему», классу, завершающему свое историческое развитие. Как тогда мы имели резкое столкновение по всем фронтам идеологий дворянства и буржуазии, так и сейчас мы являемся свидетелями острой и все более углубляющейся борьбы

идеологии буржуазии и идеологии научного социализма. Являясь синтезом всего исторического опыта человечества, теория научного социализма оплодотворяет науку новыми методами — она переводит ее на новые методологические рельсы. И в то же самое время, вместе с деградацией, вместе с историческим умиранием нисходящего класса, идет естественно и деградация его научного оружия: игнорируя объективную данность и новый опыт, старые научные теории все более начинают терять связь с жизнью, все более мельчают и уходят в крохоборство и схоластику, т. е. все более уходят от научных методов.

В этих постоянных противоречиях, в этой постоянной борьбе идеологий история выковывает новые,— более совершенные, — теории. Закон развития из противоречий есть универсальный закон развития всех явлений в природе и обществе. Развитие всегда совершается как результат взаимодействия каких-то противоречивых начал, из которых одно является «нисходящим», а другое — «восходящим».

«Нисходящее» и «восходящее», жизнь и смерть — это неразрывные сиамские близнецы бытия.

Понять бытие — это значит, осознав картину переплета «нисходящего» и «восходящего» в данном круге явлений, определить правильно направление и темп движения этих явлений.

То же самое и в библиографии. Мы ничего не поняли бы в существе ее развития (и на Западе и у нас) в решающий современный период ее истории, если бы рассматривали процесс ее развития как какой-то однозначный процесс, а не как все более выкристаллизовывающееся расхождение двух основных библиографических идеологий, неизбежно вырастающее, как и во всех других науках, из общего расхождения мировоззрений двух основных классов совре-

менного общества [1]). С одной стороны, мы имеем признаки постепенного оформления научно-социалистической мысли в книговедении и библиографии. Процесс этот особенно ясно намечается у нас, в СССР. Библиография ищет своего социального самоопределения, она наполняет новым содержанием свою работу, давая ей новую целевую установку, она ищет ориентировки в книгах по существу. «В том факте, что библиография признает своей задачей оценку книги, заключается наиболее важная отличительная черта — по сравнению с библиографией дореволюционной», читаем мы в редакционной статье первого номера главполитпросветовского библиографического журнала «Бюллетень книги», начавшего выходить в 1922 г. Процесс перерождения библиографии подмечен в этих словах правильно. Существовали, конечно, оценка и внутреннее описание книги и раньше, но лишь в XX веке, вместе с социальным перерождением общества, это явление постепенно становится основным, стержневым направлением в библиографии.

Это с одной стороны.

А с другой стороны, теоретически оформляется постепенно и противоположное направление библиографической мысли — формально-схоластическая школа в библиографии, пропитанная старой идеологией и попрежнему расценивающая задачи библиографии как беспринципное коллекционирование всякого человеческого опыта.

Достаточно здесь хотя бы напомнить, под каким знаком пресловутого «академизма» проводился весь наш первый библиографический съезд. Есть, конечно, и много ценного в его трудах, но в значительной степени — это памятник библиографической схоластики и неспособности понять актуальные задачи современной научной библиографии. Чем дальше, тем все больше будет раскрывать себя старая библиография и в смысле выявления

идеологической сути своих методов, и в смысле непригодности их для разрешения усложняющихся задач библиографической работы. Чем дальше, тем все больше будет старая библиография с ее коллекционерскими методами заходить в безнадежный тупик и беспомощно барахтаться во все разрастающемся книжном море. Так или иначе, но жизнь неминуемо приводит к тому, чтобы, подобно другим наукам, и у нас прежде всего произошло размежевание по методологическому фронту.

Разработка основ библиографической методологии выдвигается, таким образом, как первоочередная наша задача.

Но нельзя разработать методологию научной дисциплины, не осознавши ее проблем в свете каких-то общих исходных методологических положений, в свете каких-то общих принципов, в свете какого-то общего руководящего научного миропонимания. А с этим явлением как раз и приходится обычно сталкиваться в наших книговедческих кругах.

Нужно ли напоминать, что единодушия по вопросу о том, как трактовать понятие «науки» и каким содержанием его наполнять, у людей науки отнюдь не существует. Разные миропонимания имеют свои ответы на вопрос о научной истине и о возможно более совершенных путях ее нахождения. Дать себе определенный ответ на эти вопросы — это значит получить руководящий компас для разработки всех методологических вопросов данной науки. Вне этих предпосылок, которые даются общей методологией наук, оторванно от них — методологические положения всякой частной дисциплины являются научно необоснованными и остаются висеть в воздухе.

Закладывая здание своей книговедческой науки, мы прежде всего, таким образом, должны уяснить себе общие основы научной методологии.

Фундамент для научного самоопределения дает в нашу эпоху наукам, как это мы увидим из последующего, материалистическая диалектика.

Переходим поэтому к изложению основ этой теории.

Постараемся сделать это возможно короче, останавливаясь лишь на самых основных ее принципах.

Поскольку, однако, научному социализму впервые приходится обосновывать свою теорию по отношению к библиографии, я надеюсь, вы не посетуете, товарищи, что я так много отниму у вас времени.

Наша библиографическая наука, можно сказать, только что нарождается, и нам необходимо разобраться во всех этих вопросах.

Итак, об общей методологии.

В) ОБЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Философия в старом ее смысле, как наука наук, как претендентка разрешать то, что не разрешено наукой, давно уже, как известно, сдана в архив.

Как это произошло?

Сначала провалы действительного научного знания заполнялись измышлениями философов и в области естественных и в области общественных наук. С развитием естественных наук философия (в звании так называемой «философии природы») была изгнана оттуда, но застряла в общественных науках, претендуя давать отдельным дисциплинам их высшие обобщения — в виде всяких «философий истории», «философий искусства», «философий права» и т. д.

И здесь, как ранее в естествознании, она «заменяла еще не известную тогда действительную связь явлений — идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

После того, как исторический материализм поднял обществоведение на недосягаемую ранее научную высоту в смысле предвидения событий, философия, как сверхнаучная дисциплина, была изгнана и отсюда. В наше время всякая истинная наука из самой себя, так сказать, получает все нужные ей обобщения и законы. Для формулировки своих законов ей не нужно возводить над своим зданием особых, органически с ней не связанных, философских мезонинов, где можно было бы предаваться свободным фантазиям. Вот почему безвозвратно погибли для науки все эти «философии истории», никогда не предвидевшие истории, и тому подобный философский хлам, как выражался Энгельс.

Давненько уже все это в науке разъяснено. Но так как наша наука о книге немножечко в «прошедшем веке запоздала», быть может, закономерным явлением было, что и в нашем книговедческом углу, в дополнение к господствующей смуте умов, стали строить еще этакую надстроечку над книговедческой наукой в виде какого-то особого учения о «философии книги», и притом в духе очень скверного сорта метафизики.

Всякий научный работник, осознанно или нет, но опирается на какую-то философию, на какую-то идеологию, на какую-то общую методологию. Неосознанное нам надо выявить и сделать осознанным. Бесспорно, нам надо философски осознать свою работу, ее содержание, ее методы. Но надо стремиться к этому философскому осознанию на реальной основе научной методологии, а не на основе философской схоластики. Вооруженные научным социологическим методом, и книговедение и библиография сделаются доподлинными науками и не будут иметь нужды в особых философских мезонинах в виде «философии книговедения» или «философии библиографии» и т. п. Все нена-

учные теории книговедения и библиографии, наоборот, всегда будут иметь нужду, — именно потому, что они ненаучны, — утверждать, что для познания книги не достаточно науки, а нужна еще и «философия», как некое самостоятельное дополнение, где можно давать волю своей фантазии. Это и делает проф. Куфаев в своей книжке «Проблемы философии книги» (П. 1924 г.). «Философия по-своему и со своей точки зрения изучает книгу», читаем мы на стр. 12 этой брошюры. Что же это за особая автономная точка зрения? Далее мы узнаем, что философия изучает книгу «со стороны идеальной». Мы имеем, таким образом, типичную схоластическую, ненаучную постановку всего вопроса. Из этого методологического корня и идет вся дальнейшая, на редкость путаная и туманная, метафизика куфаевской «книжной философии».

Но если современная научная мысль сдает в архив философию, как какую-то «наднаучную науку», в старом пнимании умозрительных систем, то что же вообще остается от философии?

Остается вот что.

Развенчанная «царица наук» превращается просто в науку — со своим вполне определенным объектом. Задачей ее является не открывание спекулятивным путем истин для самых разнообразных наук, а учение о том, как вообще находится научная истина. «С философией, изгнанной из природы и изгнанной из истории, — пишет Энгельс в своем «Людвиге Фейербах», — остается лишь область чистой мысли: учение о законах процесса мышления — формальная логика и диалектика». «Все прочее, — прибавляет он в другом месте («Анти-Дюринг», стр. 14), — входит в состав положительной науки». Таким образом, философия, в ее современном научном значении, есть всеобщая методология, покоящаяся на формальной логике и диалектике. Но

формальная логика, как мы сейчас увидим, есть только часть общей, диалектической логики. Правильную методологическую установку мы можем, следовательно, получить, только опираясь на положения диалектической логики. Только диалектика, эта наука об общих связях, об общих принципах развития, движения явлений, дает возможность нам правильно ориентироваться в мире, где все находится в движении.

В самом деле, ведь то, что мы называем покоем, есть только, как известно, условное façon de parler (манера выражаться): жизнь и развитие вещей не прекращается ни на одну секунду. Никакого абсолютного покоя в природе нет, и в механике, напр., он рассматривается только, как условный частный случай движения.

То же мы имеем и в логике. Старая формальная логика была логикой мира, мыслимого в состоянии покоя. Для предметов, абсолютно застывших, законы формальной логики являются действительно истинными — эти предметы можно сравнивать между собою по закону тождества, по закону противоречия и т.д. Но как только мы возьмем предметы в их развитии (а они только такими, в конце концов, в природе и существуют), истины формальной логики получают значение относительное, и их надо рассматривать в свете диалектики. Формальная логика есть, таким образом, часть более общей — диалектической — логики, законы которой вытекают из диалектического бытия мира. Подобно тому, как так называемый покой есть лишь частный случай движения, так и законы формальной логики есть лишь частные случаи тех универсальных законов развития, которые устанавливаются диалектикой. Чем более быстро совершается развитие каких-нибудь явлений или чем бо́льшие отрезки времени мы будем брать, тем больше будет расхождение между истинами,

опирающимися на логику покоя (формальную), и истинами, учитывающими развитие вещей, что делает логика движения (диалектическая). И если мы будем прилагать к развивающимся явлениям истины формальной логики, то мы будем получать теории схоластические, ненаучные, которые будут заводить нас в логический тупик.

В таком тупике оказывается постоянно и старая библиография, строящая свои истины не на диалектике, а на законах формальной логики.

Из всего ранее сказанного можно уже видеть, что стоящим на высоте современных научных представлений о мире будет лишь то миропонимание, которое опирается на диалектику. В лице наиболее жизненных своих теорий наука всегда пользовалась диалектическим пониманием истины. Современная наука сознательно строит свою методологию на основе принципов диалектического материализма.

Каковы же эти принципы? Чему же учит диалектика относительно нахождения научной истины? [2])

Первым показателем ненаучности мышления является статическое мышление о мире — понимание мира, как законченной данности, как некоего комплекса готовых «вещей». Мир для метафизика дан от века, где «вещи» не переходят одна в другую, не находятся в вечном, непрекращающемся изменении и развитии. Статичности вещей соответствует и статичность истин о них. Необходимым следствием подобного ненаучного мировосприятия будет абсолютизм понятий, их косность, консерватизм и неподвижность мысли, что мы и наблюдаем у обоих разновидностей метафизиков — у обывателей и у ученых схоластов. Еще Энгельс отмечал, что эта косность метафизического мышления достигает на каждом шагу в старой науке поистине Геркулесовых столбов.

Все родится, чтобы умереть. Но капиталистический строй, родившись сотню-другую лет тому назад, никогда не умрет и будет жить вечно.

Постоянно ломается и перестраивается здание науки, но брюссельский «Manuel», разработанный в конце прошлого века группой буржуазных ученых, так и будет жить со всеми своими метафизическими потрохами, и все эти потроха надо канонизировать и фетишизировать *(смех)* и т. д., и т. п.

Истины метафизик склонен всегда мыслить, как безусловные, не достаточно будучи способен видеть их изменение в зависимости от условий (место, время, социальная среда и т. д.). Поэтому метафизический ум не рассматривает истин во всей их конкретной данности, а говорит «об истине вообще». Поэтому метафизический ум всегда склонен к ненаучным формам шаблонизирования, механического унификаторства, склонен к недостаточно критически переработанному пересаживанию своих истин то из какой-нибудь Америки, то из XVIII века.

С этим ненаучным подходом к явлениям мы постоянно встречаемся в книговедении — и в области классификации, и в области каталогизации, и во всех других областях [3]).

Наоборот, для диалектика мир — это не комплекс готовых вещей, а совокупность процессов, постоянная и непрекращающаяся динамика и изменение. Надо подчеркнуть, что эту «текучесть» мира диалектика понимает отнюдь не механически — в виде какого-то только внешнего движения, под углом точки зрения знаменитого гераклитовского «παντα ρει» — «все течет». Для диалектика «все течет» есть лежащий в основе всего бытия внутренний процесс развития всех явлений мира, благодаря которому этот мир носит возможности бесконечного обновления, так сказать, изнутри — из самого

себя. И в мире природы и в мире общественных явлений царит постоянная превращаемость элементов, превращаемость видов, нарождение все новых качеств. Мы не можем здесь останавливаться на понимании изменяемости мира и изменяемости самого человеческого мышления во всей той углубленной трактовке, которую дает этому вопросу диалектика, и переходим к другим вопросам диалектики.

Второй принцип материалистической диалектики заключается в следующем. Если мы мыслим мир как непрерывную текучесть, как непрерывный процесс, то нельзя изучать явления оторванно от целого, а надо изучать их только в их всеобщей связи и сплетении. А при таком изучении мы естественно приходим к заключению, что нет в мире случайных, необусловленных явлений, что процесс их развития связан какою-то закономерностью, какою-то каузальною связью, что в мире господствует детерминизм явлений. Что касается характера устанавливаемого детерминизма явлений, то, поскольку мы говорим о научной, т. е. материалистической, диалектике, ее основным положением здесь будет: мышлению неоткуда взяться, кроме как из бытия, не мышление обусловливает бытие, а из бытия вырастает мышление. Уяснить себе процесс духовной жизни общества, его истины, его идеологию можно только обратившись к его бытию. Научным методом мы будем владеть только тогда, когда будем исходить не из умозрения, а из бытия и когда не будем изолировать и отрывать изучаемые явления от целого, не будем выхватывать их из общей цепи явлений. Итак, изолированное изучение явлений «как таковых» — не научно. Оно приводит к мертвой схоластике, к отрыву знания от жизни. «Диалектика требует, — пишет Ленин, — всестороннего исследования данного явления в его развитии... Будучи последним словом научно-эволюционного метода, она запрещает именно

изолированное, т. е. однобокое и уродливо-искаженное рассмотрение предмета. «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может... самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающая предмет до конца во всей его сложности».

Нужны широкий охват и широкая перспектива во всякой работе. При диалектическом подходе всякая маленькая будничная работа связывается со всем целым, с его заданиями и конечной целью, и в разрезе этой последней определяются все методы и приемы работы. Этого всегда, как известно, нехватало старой науке, где что ни область знания, то какое-то самозамкнутое царство. Про книговедческие дисциплины и говорить нечего. Они всегда страдали особенной замкнутостью — в собственной ограниченной норе. Как прямой результат этого, во всех методах старой библиографии господствует поэтому примат индивидуального над общим, единичного над целым. Этого вопроса нам еще придется коснуться в конце доклада, когда мы будем вскрывать идеологические корни устремления старой библиографии именно к замкнутому, именно к «имманентному» оперированию с книгой.

Для правильной методологической установки развитые выше положения диалектического материализма представляют существенно важное значение. Но исключительно важной является та часть учения диалектики, которая рассматривает, как происходит самый процесс развития. Понятие движения, которым пропитана вся жизнь, отнюдь, как мы уже упоминали, не рассматривается диалектикой в обычном механическом смысле, т. е. как постепенное нарастание количественных изменений и только. Во всех процессах жизни постоянно происходит переход

количества в качество и обратно. В таких случаях движение временно теряет свой непрерывный характер; происходит разрыв непрерывности, как бы некий революционный скачок.

Как же это происходит, что одна вещь в своем развитии вдруг становится другой вещью, одно качество — другим качеством?

Иллюстрируем несколькими примерами это интересное явление.

Мы знаем, напр., что качество цветов есть не что иное, как нарастание количества колебаний волн эфира: при 521 биллионе колебаний мы имеем желтый цвет, который будет оставаться таковым и при дальнейшем постепенном увеличении количества волн; но вот при 599 биллионах происходит сразу «скачок», и вместо желтого цвета мы начинаем видеть зеленый: количество перешло в качество; при 621 биллионах таким же образом скачкообразно получается синий цвет и т. д. То же самое мы имеем и в области звуков: при 261 колебании мы имеем «до» и так до 293, а затем — скачок и «до» переходит в «ре», при 329 — переход в «ми» и т. д. Вода, в зависимости от количественного сочетания молекул, предстает нам скачкообразно в разных качествах — то как лед, то как жидкость, то как пар. От кислорода с водородом нет перехода постепенного к воде, а есть опять скачок: было два газа и сразу в определенный момент — жидкость. Да и вся химия целиком, особенно сейчас, когда мечта алхимиков стала явью и когда доказана превращаемость элементов, вся химия есть, в сущности, не что иное, как наука о качественном изменении тел, обусловленном изменением их количественного состава.

Скачкообразное развитие видов встречаем мы постоянно и в биологии. Количественное постепенное нарастание плода в утробе матери приводит в строго определенный

срок к «скачку» и нарождению в муках и крови нового «качества» — новой биологической особи. Скачками, как мы знаем, сопровождаются и все сложные моменты развития общественной жизни, когда совершается переход от одного общественного строя к другому, от одних форм общественного бытия к другим. Такими революционными «скачками» наполнена вся история человечества.

Те же явления скачкообразного перехода количества в качество мы постоянно наблюдаем и в той науке, которая стоит на грани биологии и социологии — в области явлений психической жизни. Одни качественные эмоции то и дело, при своем развитии, скачкообразно переходят в качественно иные, иногда диаметрально противоположные. «Многое в поведении человека, — пишет проф. К. Корнилов в своем докладе на Психоневрологическом съезде, — станет для нас понятным, если мы подойдем к рассмотрению этого с диалектической точки зрения, именно с точки зрения скачкообразности в развитии. В самом деле, почему часто крупные и значительные факты сравнительно бесследно проходят для нас, а какой-нибудь случайный разговор, беглая встреча, вскользь брошенное замечание вызывают резкую реакцию, изменяют в корне наше поведение? Это определяется в значительной степени близостью человека к определенному узловому пункту, где необходима лишь самая ничтожная нагрузка, чтобы получился совершенно не соответствующий внешнему раздражению эффект, качественно изменяющий в корне поведение человека».

Окидывая мысленным взором весь тот процесс внутренних изменений и постепенных нарастаний, который совершался в XX веке и в области библиографии, мы не можем не чувствовать приближения качественного обновления всех теоретических положений и нашей дисциплины. В растянувшемся, медленно нараставшем, количественном

ряде своих явлений книговедение и библиография подготовляют в нашу эпоху большой качественный революционный скачок во всех своих методах [4]).

Мы остановились несколько на этом вопросе, так как это вопрос кардинальной важности для отыскания научной истины. Вопрос о переходе количества в качество есть центральная проблема научной методологии. Это есть разрешение кардинального для всего миропонимания вопроса: как все в мире развивается — эволюционным путем или революционным путем и как именно?

«Иногда говорят, — писал Г. В. Плеханов, — что точка зрения диалектики тождественна с точкой зрения эволюции. И нет сомнения в том, что эти два метода имеют точки взаимного соприкосновения. Тем не менее, между ними существует весьма глубокое и значительное различие, которое, надо признаться, далеко не в пользу учения об эволюции. Современные эволюционисты снабжают свое учение значительной примесью консерватизма. Им хочется доказать, что как в природе, так и в истории скачков не бывает («natura non facit saltum» — «в природе нет скачков»). Со своей стороны, диалектика очень хорошо знает, что как в природе, так и в человеческой мысли и в истории скачки неизбежны. Но она не упускает из виду и того неоспоримого факта, что во всех моментах изменения действует один и тот же непрерывный процесс. Она лишь старается уяснить себе тот ряд условий, при котором постепенное изменение должно необходимым образом привести к скачку» (Соч. Плеханова, т. VI, стр. 55). Итак, найти научную истину относительно явлений мы сможем только тогда, когда развитие их мы будем мыслить как процесс и эволюционный и революционный. Иначе мы ничего не поймем и ничего не сможем предвидеть в процессах природы и общества.

Сколько времени билась беспомощно научная мысль, не умея примирить противоречий насквозь противоречивой природы и создавая то теории катастроф (геологическая теория Кювье, теории бунтарского, ненаучного революционизма и пр.), то теории, начисто отвергающие всякие «скачки» (геологическая теория Ляйэля, различные вульгарные теории эволюционизма и пр.).

И нужен был гений основоположников научного социализма, чтобы впервые в истории человечества заложить основы научной теории, дающей органический синтез идеи эволюции и идеи революции.

Теория, на которую опирается научный социализм, теория материалистической диалектики, является, таким образом, синтезом всего предшествующего развития науки.

Нам остается упомянуть еще об одном основном принципе материалистической диалектики. Он вытекает из предыдущих и гласит, что всякое развитие есть развитие из противоречий. Диалектика имеет дело с миром, находящимся в движении. Но уже простое механическое движение, как мы это знаем, есть процесс внутренне, по самой природе своей, противоречивый: движущееся тело и находится в данной точке, в данном месте и в то же время не находится в нем. Жизнь, мыслимая как движение (а иной ее и нельзя мыслить), в каждый данный момент и то, что она есть, и вместе с тем что-то иное, уходящее от данной точки бытия. Всякое развитие, сопровождаемое переходом количества в качество, есть также, в сущности, глубоко противоречивый процесс: количественное нарастание явлений одного порядка есть здесь в то же время какое-то скрытое нарастание явлений другого порядка, качественно от первых различных. Процесс развития всегда есть, таким образом, как бы постоянное преодоление какого-то внутреннего сопротивления, он есть результат

столкновения каких-то противоречий. Классовая борьба есть лишь частный случай этих противоречий, в результате столкновения которых создается какое-то новое качество жизни. «Диалектическая формула: «противоречие ведет вперед», — говорит Г. В. Плеханов в предисловии к книжке Ф. Энгельса о Людвиге Фейербахе, — находит блестящее подтверждение в борьбе классов; если вы об этом забудете, вы ничего не поймете в развитии социальной и духовной жизни общества, состоящего из классов».

Теория диалектического материализма, опираясь на детерминизм, есть вместе с тем, как мы видим, и выражение высшей активности; это — насквозь действенная теория. Истины здесь утверждаются конкретные, жизненные, вырастающие из практики. П р а к т и к а — конечный критерий истины, — вот основное положение этой теории, вот основное положение марксизма, вытекающее из того положения, что б ы т и е м определяется мышление. Теория и практика мыслятся здесь неразрывно и слитно, как две стороны одной и той же задачи, как двуединая задача. Между теорией и практикой уничтожается тот старый разрыв, который, по выражению Ленина, «составлял самую отвратительную черту буржуазного общества». Разрыв между схоластическими теориями и творчеством жизни имеет очень резкое выявление и в различных областях нашей книговедческой науки, особенно в библиографии.

Теория диалектического материализма является, как мы видели, синтезом всего исторического опыта человечества. Не опираясь на нее, нельзя построить действительно научной методологии ни в одной области знания, в том числе и в библиографии. Но когда научный социализм приходил со своей теорией в разные области знания, чтобы дать им научную методологическую установку, совсем еще так недавно находилось достаточное число sancta simplicitas

(людей святой простоты), которые таскали вязанки дров, чтобы предать научный социализм за эту дерзость аутода-фе.

Ну, разве можно, в самом деле, серьезно связывать теорию научного социализма со всеми областями знания? Какое, спрашивается, может иметь отношение теория научного социализма к литературе? или к психологии? или к библиографии? или к медицине? Правда, чем дальше, тем число «недоумевающих» делается все меньшим, но первые шаги по переводу той или иной дисциплины на новые методологические рельсы бывают всегда довольно мучительны.

За несколько десятков лет своего существования теория научного социализма сделала во всех областях знания колоссальные завоевания. Не может не интересоваться этим каждый, имеющий хоть какое-нибудь отношение к научной работе. Но вниманию библиографов особенно надо рекомендовать тот библиографический труд, который подводит итоги достижениям науки в этой области. Мы говорим о книжке одного из выдающихся наших научных библиографов Я. С. Розанова, которая называется: «Исторический материализм. Библиография за 1865—1924 гг.» [5]). Научную работу, проделанную диалектическим материализмом за эти несколько десятков лет своего существования, автор справедливо называет в предисловии «титанической». Особенно богатую литературу по данному вопросу,—вплоть до таких, напр., книжек как «Марксизм и военное дело», «Медицина и диалектический материализм» (Труды кружка врачей-материалистов I МГУ) и т. п., мы имеем в СССР как раз за последние три года.

О чем говорят эти успехи диалектического материализма? Они говорят о знаменательнейшем процессе методологической перестройки всего здания современной науки,

а вовсе, конечно, не о том, что везде, во всякой области знания, хотят создавать какую-то особую «пролетарскую науку».

Каждый общественный класс на заре своего восхождения делает свой «вклад в исторический капитал истин». Весьма большой вклад в исторический капитал научных истин делает и пролетариат со своей теорией научного социализма.

Вот и все!

«Новое понимание истории, внесенное научным социализмом в науку, — писал Карл Каутский, — является для науки громадным прогрессом; оно действует оплодотворяющим образом на все человеческое познание и мышление. Но, — странное дело! — буржуазная наука отнеслась к новой теории совершенно отрицательно, и только в противоположность ей, как особая пролетарская наука, новое научное миропонимание смогло пробить себе дорогу. Когда констатируется противоположность между буржуазной и пролетарской наукой, то над этим смеются. Разве может-де существовать особая пролетарская химия или математика наряду с буржуазной»? «Но тот, кто смеется над этим, — продолжает Каутский, — доказывает только, что он ничего не понимает в том, о чем собственно идет речь»... Речь, как мы видели, идет о научной методологии, стоящей на высоте современного развития науки, а не о создании каких-то новых «социалистических наук». И надо правду сказать о наших противниках: за те четверть века, которые протекли с того времени, как Каутский это писал, представители реакционных, враждебных социализму, течений в науке кое-чему научились. Методология научного социализма все более проникает во все области знания. Для всех начинает становиться все более ясным, что только эта методология, опирающаяся на диалектику, на динамическое предста-

ление о мире, есть единственно научная методология, учитывающая развитие процессов так, как они только действительно и происходят в природе и обществе.

Заканчивая на этом изложение основных принципов теории диалектического материализма, резюмируем кратко, к каким выводам привела нас эта теория.

Душу диалектики составляет «историзм», т. е. точка зрения движения, развития. Изучить какое-либо явление — это значит понять явление в его движении, открыть законы этого движения. Диалектика утверждает динамику против статики, релятивизм против абсолютизма, конкретность истины против ее абстрактности, необходимость изучения явлений только в их неразрывной связи с целым; она утверждает, что бытие определяет мышление, а не наоборот, утверждая тем самым примат практики над теорией; развитие жизни она понимает не только как количественное нарастание, но и как переход количества в качество («скачки») и притом как внутренно противоречивый процесс, выявляющий себя в столкновении каких-то противоречивых начал.

Диалектика не упраздняет формальной логики, но она разъясняет все условное и относительное значение ее истин, которые приложимы только к частным случаям покоя, тогда как диалектическая логика дает возможность ориентироваться в явлениях в их движении, в их развитии.

Объективной научной истиной диалектика называет ту, которая совпадает с объективным развитием явлений, которая предвидит пути этого развития и может таким образом овладевать явлениями.

Теорию и практику она мыслит органически сросшимися и неотделимыми, и теоретической истиной она считает лишь ту, которая постоянно оправдывается на практике и овладевает жизненным строительством.

Таковы те общие методологические предпосылки, которые даются теорией диалектического материализма для нахождения всякой научной истины.

Приложим же теперь эти выводы к нахождению научной истины в области библиографических явлений. Посмотрим, как в свете развитых методологических положений предстанут перед нами п р е д м е т библиографии и ее научный м е т о д.

С) ПРЕДМЕТ БИБЛИОГРАФИИ

Для того, чтобы библиография могла сложиться в стройную и научно обоснованную систему знаний, ей прежде всего необходимо познать самое себя, т. е. ясно представить себе свой предмет.

Как же найти правильное для данного времени содержание понятия?

Быть может, ни на каком другом примере нельзя более удачно демонстрировать методологическую беспомощность формальной науки, как в области определения понятий. Стоит просмотреть многочисленные определения любой науки, чтобы видеть всю ту неизбывную схоластику, которая порождается оперированием принципами формальной логики. Перерывают груды материала, натаскивая всевозможные определения, которые когда-либо, где-либо и кем-либо давались данной дисциплине, данному понятию. Но забывают при этом только об одном: поискать элементов определения не в прошлом, а в настоящем, посмотреть не назад, а хотя бы в о к р у г с е б я, если уж не вперед, обратиться к реальности, к анализу окружающей действительности. В результате получаются чисто схоластические, нежизненные понятия, живущие в каком-то калейдоскопе plus-quamperfectum'ов. Чтобы видеть, что это действительно

так, достаточно хотя бы заглянуть в схоластику старых энциклопедических словарей. Иногда эти литературно-филологические разыскания переходят даже просто в филологические: вскрывают смысл словообразования в момент его далекого зарождения, исходят не из содержания понятия в данную эпоху, а из слова. Не говорят, правда, что био-графия это есть «описательная» наука по отношению к био-логии, ибо в первом случае мы имеем «графо», а во втором «логос». Но с бедной библио-графией такой казус частенько происходит. Раз она при рождении своем получила имя с роковым «графо» — все кончено: она навсегда должна забыть о возможности для себя каких-либо номологических обобщений, т. е. замкнуться исключительно в рамки простого «описания» фактов. Особо ученые библиографы прибавляют при этом (и в данном случае — уже вопреки филологии), что такое описание не должно распространяться дальше обложек и что описание содержания книг это уж — не библио-графия *(смех)*.

Иначе подходит к определению понятия диалектика. Она не злоупотребляет ни старым опытом, ни филологией. Памятуя, что истина исторична и ограничена во времени, она стремится обобщить и учесть весь коллективный опыт своего времени, она стремится дать всесторонний анализ современной конкретной действительности. К такому анализу мы и должны обратиться, чтобы получить нужный нам ответ на вопрос об объеме и содержании библиографической науки. Надо при этом изучать вопрос не в его статике, а в его динамике, стараясь уяснить себе не только теперешнее положение, но и тенденции роста и развития данного круга явлений. Исторические справки нужны, но после них надо приникнуть ухом к матери-сырой-земле и послушать, как и в каком направлении бьется у человечества пульс библио-

графической жизни в XX в е к е. Надо при этом постараться конкретно осознать связь явлений данного порядка с общими историческими задачами эпохи, надо помнить, что, лишь обращенные лицом к будущему, мы можем действительно научно строить настоящее.

Только руководясь таким методом работы, и можно притти к действительно научно-объективному определению предмета, т. е. к такому, который достаточно широко сможет обобщить весь опыт работы: во всех его главнейших направлениях, уже сложившихся, и во всех его основных, только еще намечающихся тенденциях.

Усложняющаяся жизнь нашего века все более раздвигает рамки библиографии, выдвигая все новые виды и формы работы. Соответственно с этим неизбежно происходит и расширение самого понятия библиографии.

И прежде всего библиография как наука, конечной задачей которой является возможно большая ориентировка в книгах, должна расширить свое понятие в отношении методов описания, включив в число первоочередных своих проблем — разработку вопросов внутреннего описания книг, а не только одного внешнего. «Каждый, кому приходилось размышлять о судьбах библиографии,— писал в органе Русского библиологического общества «Литературный вестник» Г. А. Ильинский,—без сомнения, не раз обращал внимание на то одностороннее направление, которое получило с давних пор ее развитие сравнительно с другими науками и дисциплинами. В то время как в последних развитие качественной стороны, т. е. усовершенствование методов, шло обыкновенно параллельно с прогрессом количественной стороны, т. е. увеличением числа вновь открытых фактов, успехи библиографии ограничивались, главным образом, усовершенствованием только одной второй стороны — количественной. Стремление к возможно большей полноте — вот что

проходит красной нитью через всю историю новейшей библиографии как западноевропейской, так и русской. Развитие библиографии поражает своим консерватизмом; несмотря на то, что, как дисциплина, она существует уже не одно столетие, приемы и метод библиографической работы передавались из века в век с удивительным однообразием: формат книги, год и место напечатания, число страниц, иногда указание типографии, где книга была издана, и фамилия издателя, рисунки и карты — вот и все, чего могла достигнуть пока библиография в смысле обогащения своего содержания.

Такое положение дела может быть вполне естественно и нормально в то время, когда литература, скудная произведениями вообще, не настолько еще дифференцирована, чтобы были необходимы особенно подробные библиографии: при сравнительно незначительном числе книг, написанных по известному вопросу, было вполне достаточно и этих кратких указаний, чтобы желающему можно было ориентироваться в литературе по интересующему его вопросу. Но нельзя сказать, чтобы обычные приемы библиографического описания были достаточны для непрерывно растущих научных нужд нашего времени.

И современная библиография, как бы она ни была полно и точно разработана, не облегчит читателя в его трагическом положении, но лишь усилит его муки Тантала. Но если так, то библиография должна будет потерять значительную часть своего теперешнего значения. Ведь библиография нас интересует не сама по себе, а лишь постольку, поскольку она служит показателем (барометром) движения литературы: но раз этот барометр начинает делать только очень общие и неопределенные указания, он становится только дорогой игрушкой. Выйти из этого обидного положения пеленок для зрелого мужа библиография могла бы только в том случае, если бы,

в связи с формальными старыми приемами своих описаний, она давала указание и на содержание известной книги: другими словами, будущая библиография должна не только давать указания, о чем написана известная книга или статья, но и о том, что́ в ней написано. Необходимость подобного рода «реального направления» в библиографии уже давно начала проникать в сознание лучших библиографов»...

Ограничимся этими, писавшимися еще четверть века тому назад, строками и не будем более останавливаться на том, что в наши дни можно уже считать трюизмом. Сейчас нам приходится думать не столько об обосновании самой идеи подобного расширения рамок библиографии, сколько о формах его теоретического обобщения.

По каким линиям пойдет это расширение, и в какие формы оно выльется?

Научный подход к явлениям, как учит нас диалектика, состоит, между прочим, в том, что мы должны рассматривать их не как некие «вещи в себе», не «как таковые», не имманентно, не оторванно от живой ткани окружающего их мира, а как неразрывную часть единого целого. Такой научный подход к явлениям проникает понемногу и в нашу книговедческую среду. Мы, например, уже приучаемся понемногу рассматривать книгу в неразрывной связи с читателем, когда вопрос ставится в плоскости библиотечной работы. А давно ли еще считалось у нас это ни с чем несообразной ересью? Возьмите «хандбух'и» старых библиотечных мужей; в большинстве их вы ни единого слова не найдете о читателе: они ведь занимаются к н и г о й! и это ведь к делу не относится! Интересно отметить сдвиг в этом отношении и в другой близкой нам дисциплине — литературоведении. Так., напр., проф. П. Н. Сакулин пишет в своей недавно вышедшей книжке «Синтетическое построение литературы»: «Еще в большей

степени, чем для рецензента, для историка литературы является прямым долгом показать, для какого класса читателей существуют те или другие писатели, те или другие произведения».

Это ли, товарищи, не знаменательный методологический сдвиг?

Что касается библиографической работы, то мы еще до сих пор не достаточно осознаем, что проблема книги это есть, в сущности, проблема читателя. Но и этого еще мало. Полная библиографическая осведомленность распространяется, в сущности, и на книгу, и на читателя книги и на автора книги. Целиком обособить описание книг от их творца (автора), с одной стороны, и от их потребителя (читателя) — с другой, — невозможно. Книга, читатель и автор — это триединая данность, с которой приходится иметь дело библиографу... Современному библиографу все чаще приходится заниматься не только определением самой книги, но и «определением» автора и читателя [6]). Даже при схедографировании указывается часто специальность автора, его научное звание и т. п., указывается также, для какого именно круга читателей книжка предназначается (для таких-то школ, для самообразования и т. п.). В более расширенном виде касаются обычно этого вопроса в аннотациях и при других видах внутреннего описания книги.

На этих основных типах внутреннего описания книги — аннотировании, реферировании, рецензировании — нам и нужно здесь несколько остановиться, хотя бы коротенько.

Аннотация, как известно, не определила еще себя вполне, хотя и имеет уже весьма солидный библиографический стаж (в старое время, правда, без этого названия). Это — обычно краткая — заметка о содержании книги и собрание довольно разнообразных и трудно сводимых

к одному определению «примечаний» к книге. Нисколько не возражая по существу против той широкой постановки вопроса о типах аннотаций, какая делается в докладе т. Жука, мы, однако, думали бы, что в терминологическом отношении правильнее было бы относить критическое аннотирование к библиографическому рецензированию.

Под р е ф е р и р о в а н и е м разумеют — изложение содержания книги по существу развиваемых в ней положений, более или менее подробное вскрытие идеологической установки книги и пр. Элемент критики в прямом смысле здесь отсутствует, но это уже глубокое вскрытие самих основ произведения, могущее часто ориентировать читателя лучше обычной рецензии. Этот тип описания давно известен библиографической практике и в последнее время вполне естественно привлекает к себе все большее внимание. Реферативно-критический характер носит известное многотомное французское издание: «Bibliothèque de bibli graphie critique»; много реферативно-библиографических описаний находим в Германии с ее многочисленными J hrbu h'ами по разным специальностям; в частности, можно отметить такое крупное начинание по реферативной библиографии, как «Technische Zeits hriftens h u», дающее с 1915 года реферирование статейной немецкой и иностранной литературы. То же и в Англии и в Америке. И в наших журналах все чаще появляется обширная библиография реферативного характера, особенно по иностранной литературе (в частности, напр., очень широко в таких специальных журналах, как «Горное дело», «Нефтяное и сланцевое хозяйство» и др.). Было и несколько специальных отдельных работ такого типа по частным вопросам. (Укажем, напр., издававшиеся два года Московским обществом сельского хозяйства ценные библиографические справочники под

заглавием: «Рефераты статей по животноводству». М. 1914—1915 гг.). Частично реферируется важнейший материал в русских и иностранных библиографиях по вопросам ленинизма, издающихся Институтом Ленина («Лениниана»). Увеличивается вообще количество библиографических работ с более углубленным описанием материала. Нельзя здесь же не упомянуть и о крупном интересном начинании Госплана СССР, приступившего не так давно к изданию двухнедельных «Обзоров союзной и иностранной экономической прессы», а также и «Ежегодника экономической прессы», хотя в данном случае мы имеем дело со специальным типом реферирования, а не библиографическим. Библиографическое реферирование имеет своей задачей вскрытие основных положений, основных руководящих идей труда, но оно всегда бывает более или менее кратким, оно не углубляется в подробнейшее детальное трактование проблемы, оно не будет приводить статистического материала, таблиц, чертежей и т. п., как это мы иногда встречаем в специальных изданиях. Под этим углом зрения библиографическая наука и должна будет разработать принципы и методы библиографического реферирования книг. Теория приходит всегда со своим оформлением после практики. А библиографическая практика накопила уже для этого значительный опыт. Конечно, и здесь задача науки будет не в выработке какого-то общего трафарета, и здесь принципы реферирования будут варьировать в зависимости от типа библиографического труда и его целевой установки.

Нам остается еще сказать об этом последнем, всем известном, виде описания книги — о рецензировании, которое дает уже не только анализ книги, но и ее критическую оценку. Надо, впрочем, отметить некоторую неточность нашего выражения, что библиографическое рецензирование есть «знакомый нам вид описания

книги»: по той простой причине, что это только дело будущего вполне разработать принципы и приемы такого библиографического рецензирования. Ясно, что в некоторых отношениях они существенно будут отличаться от обычных рецензий: напр., тем, что соотношение частей описательной и критической здесь будет иное, тем, что библиографическая рецензия должна быть освобождена от деталей и вообще кратка, тем, что резолютивная часть ее должна быть составлена четко и давать ответ на ряд вопросов, связанных с книговедческой практикой, и т. д. Один и тот же ориентирующийся в данной области знания библиограф по-разному, конечно, напишет рецензию, преследующую разные цели: небольшую заметку для отдельного библиографического труда или узко-библиографического журнала и общего характера рецензию для какого-нибудь журнала специального. Говоря о библиографическом рецензировании, необходимо упомянуть и о той ориентировке читателя в содержании книг, которую может давать библиограф путем тщательного собирания рецензий, появляющихся в органах периодической печати. Методологически правильно проделанная работа по составлению экстрактных выдержек из таких рецензий может давать чрезвычайно ценную библиографическую осведомленность. Если при этом мы будем иметь дело не с популярным библиографическим трудом, где нельзя запутывать читателя и где необходимо идеологическое единство, то противоречивые часто отзывы и весь разнообразный «парламент мнений» о книгах дадут еще к тому же и исключительно интересный материал для исследования вопроса о судьбах книг, о судьбах авторов книг, о судьбах самих читателей книг. Для всякого рода библио-психологических и библио-социологических научных исследований это иногда может быть неисчерпаемым кладом. Важно только, повторяем, чтобы эта работа имела правильную

научную методологическую установку и не была механизирована и формализирована.

Разработка вопросов реферативно-критической библиографии будет знаменовать собою расцвет нашей библиографической науки. К этому сознанию приходят уже и лучшие представители буржуазной библиографии. В недавно вышедшей в Германии книге Schneider'a «Handbuch der Bibliographie» читаем (стр. 91): «Manche Bibliographen erblicken in ihnen die Blüte aller Verzeichnisse. In der Tat gehört ihnen die Zukunft» («Некоторые библиографы видят в ней расцвет книгоописания. Ей действительно принадлежит будущее»).

Итак, мы имеем следующие четыре основных вида библиографического описания, методика которых должна быть подробно разработана библиографической теорией:

1) *схедографирование*,
2) *аннотирование*,
3) *реферирование*,
4) *рецензирование*.

Нетрудно заметить, что в этом ряду каждый последующий вид описания дает нам все более глубокую ориентировку в книгах. Но как раз методика двух последних важнейших видов описания — реферирования и рецензирования — совсем в старой библиографии и не разработана: эти виды описания всегда были пасынками библиографии и отвергались «чистой», «объективной» библиографией. В большей мере освещены в библиографии вопросы схедографического описания, впрочем не столько в научном разрезе, сколько в разрезе формально-схоластической школы, особенно у нас, где, по справедливому замечанию директора Украинской книжной палаты М. Годкевича («Книгоноша» 1916 г., № 25), наши отечественные описа-

ния «напоминают своей подробностью и формализмом описания музейно-архивных раритетов».

Но библиографическая работа не ограничивается только рамками описания в тесном и ограниченном смысле этого слова. Наряду с описаниями библиография занимается и обобщениями, занимается формулировкой закономерности, подвергая более углубленному изучению, количественному и качественному, книжную продукцию как по отдельным вопросам и темам, так и всю продукцию в целом. В этих высших своих обобщениях, опирающихся, как и во всякой науке, на массу аналитическим путем добытых и изученных фактов (собирание, описание материала и т. д.), библиография и превращается в науку в собственном смысле этого слова, проливая свет на исторические судьбы книги и ее роль в истории культуры.

Книга играет в жизни современного общества значение колоссальное. А вместе с тем какая, товарищи, странная картина! Когда вы берете труды по истории духовной культуры, какие ничтожные и беглые отрывки находите вы там о книжной истории, а большею частью и ничего не находите, как будто книга, как фактор культуры, это совсем какая-то quantité negligeable (нечто незначительное).

И это понятно: разве старая библиография подготовила историку жизненный материал, по которому хоть сколько-нибудь можно было бы ориентироваться в книжной эволюции? А кроме библиографов ведь никому не по силам сделать такие обобщающие статистико-классификационные сводки и обзоры, — не такие, конечно, формальные, как еще доныне у нас процветают, а с социологически ценным анализом материала.

Консервативная библиографическая мысль очень спокойно себя чувствовала в рамках простой «описа-

т е л ь н о й» науки, на обязанности которой по преимуществу лежало описание титулов и регистратура.

Ориентировка в книгах по существу, их жизненный учет и изучение их эволюции и т. д. — разве это не дело кого-то другого — только не библиографа? Да, надо признать, что старая библиография была действительно добрая «наука»: она раздаривала все свои богатства; она не только не интересовалась своими научными обобщениями, она отмахивалась даже от разработки методов описания книг по существу, предполагая, что, напр., методы библиографического рецензирования книг должны разработать для нее... кто? критики, что ли? — а методы библиографического реферирования книг... кто? быть может, педагоги, а быть может — еще кто-то, но во всяком случае — не библиографы.

Да, они были «добрые» — эти служители регистрационного культа — и изо всех сокровищ библиографии они оставляли себе только единственное сокровище — титулы!

XX век идет под флагом с о б и р а н и я сокровищ библиографии.

Какая задача стоит перед нами?

Нам надо собрать рассыпанную храмину библиографии и обосновать ее, как полную захватывающего интереса, глубоко жизненную и действительно научную дисциплину.

Буржуазная идеология, построенная на разрыве теории и практики и на идее иерархии, создала в свое время схоластическое деление наук на «чистые» и «прикладные», на «точные» и «неточные», на «номологические» и «феноменологические», на «описательные», «вспомогательные», «теоретически обобщающие» и т. п. Современная наука уже давно покончила с таким ненаучным делением. Сдает современность в архив и старое, консервативное пред-

ставление о содержании библиографической науки. «К недоразумениям нужно отнести взгляд,— писал как-то А. М. Ловягин,— на библиографию исключительно как на «вспомогательную» науку. Взгляд этот логически несостоятелен уже потому, что наука сама по себе вспомогательной быть не может; всякая наука, являющаяся вспомогательной по отношению к какой-либо другой, может и должна иметь и свои самостоятельные цели, независимые от целей других наук». Право на формулировку закономерности своего круга явлений есть неотъемлемое право всякой области знания. Разрывание науки на какую-то «науку фактов» и какую-то «науку законов» не выдерживает никакой критики, оно — ненаучно. И библиография не только собирает и описывает книжные явления — она не может не заниматься и изучением их закономерности — при всех своих обобщающих работах (напр., в библиографических монографиях, обзорах, статистико-классификационных сводках и т. д.). Разные книговедческие дисциплины будут — каждая в круге своих явлений — прослеживать эволюцию книги (со стороны, напр., внешности, издательской техники и т. п.). Библиография, конечно, не претендует на всестороннее изучение этой эволюции. Это дело книговедения в целом, если оно до этого дорастет. Библиография претендует только на те обобщения, которые к ней относятся.

Надо помнить, что только ненаучная мысль может резко разделять количество от содержания и думать, что можно заниматься действительно социологически ценными обобщающими статистическими сводками, не имея достаточного представления о материале, с которым оперируешь. В зависимости от целевой установки работы степень библиографической осведомленности будет требоваться разная. Чем в более детальных разрезах (по отдельным вопросам, темам и т. д.) придется библиографу

прослеживать развитие книжного потока, тем более он, естественно, должен будет быть осведомленным в содержании книг данной области, чтобы не притти к ложным выводам.

Итак, мы видим, что библиография имеет своей задачей возможно лучшую ориентировку в книгах и что достигает она этого, как и всякая научная дисциплина, сначала путем аналитических, описательных изысканий, а затем, в высших своих формах, путем научных обобщений. Мы видели также при этом, что понятие библиографического описания обязательно должно быть расширено на описание книг по существу. И еще мы видели, что расширение библиографии должно произойти, если можно так выразиться, и на читателей. Книга есть акт общественный, для кого-то она предназначается. Можно отвергать начисто ориентировку в книгах, и тогда мы скатываемся к «чистейшей» из наук — «титуло-графии». Но если мы говорим о науке библио-графии — как мы можем делать наши обобщения, ничего не зная о социальном удельном весе книг, не разбираясь в том, для кого книги предназначаются и какие социальные круги общественного организма они обслуживают? Ориентировка во всем этом неразрывно входит в понятие ориентировки в книгах. Это — единое целое, которое не может быть разорвано.

После всего сказанного мы можем попытаться объединить в одной краткой формуле понятие библиографии как науки.

Библиография — основная часть книговедения, наука, которая, путем документального описания книг и общей их характеристики, дает возможность ориентироваться в накопленных человечеством книжных богатствах — в их наличности и содержании, в их идеологической сущности и исторической значимости, в их соответствии читателям различных социальных и иных группировок;

занимаясь подобным изучением книги, библиография в своих высших обобщениях имеет задачей — библиографическое исследование эволюции книжных богатств со стороны их количества и со стороны их содержания.

В противоположность таким широким жизненным и научным задачам старая библиография всегда понимала содержание своей науки очень узко и плелась в хвосте у библиофильства. Методы старой библиографии, весь подход ее к своим задачам и до сего еще времени всецело библиофильские (беспринципное коллекционерство при собирании материала, фотографирование титульных листов при описании материала, безжизненный формализм при группировке материала и т. д., и т. д.). Библиограф Шнейдер во многих местах своей «Handbuch der Bibliographie» не без остроумия и по заслугам сечет это библиофильское крохоборство, при котором все уходит в фетишизируемое формальное описание — при полном игнорировании книги по существу дела. Позволим себе привести здесь всего лишь одну маленькую выдержку. «Вместо благодарности, — пишет Шнейдер, — порождает библиограф только справедливые насмешки этой своей старательностью, которой он и сам себе отравляет существование, порождает так часто встречающееся пренебрежение к своему труду. Утверждение, что его мнимая наука не представляет действительной научной ценности, проистекает на добрую половину из этой его ненужной старательности в неподходящем месте» (стр. 90). В немецком оригинале про эту «ненужную старательность» сказано текстуально так: «mit der er sich das Leben sauer macht», что в точном переводе гласит: «старательность, благодаря которой он делает себе жизнь кислой» (*смех*).

Кислые библиофилы в полной мере, как известно, существуют «an und für sich» («сами в себе и сами для себя»). Читателя они не интересуют. И нас они поэтому здесь

не интересуют. Пускай себе «киснут»! Но если мы, библиографы, слишком долго будем позволять себе роскошь оставаться нежизненными библиографами, трудящиеся рано или поздно скажут: нам тоже нужна библиография,— извольте-ка, судари, заниматься не коллекционерством, не аршинными нагромождениями титулов и квадратных скобок, а описанием к н и г, описанием их содержания...

Товарищи! Тень коллекционерского духа, губящего самые лучшие начинания, витала во время доклада Е. Шамурина в этом зале.

Вы помните эти десятки тысяч, которые мелькали в его докладе? По гидрологии, кажется, наши дорогие товарищи собрали где-то 50 000 карточек, по истории русского права кто-то в Сибири собрал 25 000 карточек (и это только с 1891 года, — кажется, в течение пятнадцатилетнего периода) и т. д. Откровенно скажу, товарищи, едва ли не больше всего порадовал меня в Карелии город Каргополь, порадовал потому, что каргопольские библиографы собрали всего-навсего 300 карточек! *(смех)*. И представьте себе, сам Шамурин прибавил при этом, что, повидимому, у них-то дело как раз и поставлено серьезно.

Товарищи! Старая наука уже к концу XIX века положительно изнемогала от массы собранных б е з я с н о й м е т о д о л о г и ч е с к о й у с т а н о в к и фактов, изнемогала от коллекционерского метода своих ученых, что навсегда осталось запечатленным в книгах, хранящихся в наших книгохранилищах. По образу и подобию своему создала старая наука и старую библиофильствующую библиографию, коллекционерскую библиографию. Но, товарищи, и наука, и библиотека и библиография не есть ведь беспринципное собирание, коллекционирование всякого «человеческого опыта». Это есть — о т б о р человеческого опыта [7]).

И надо понять: не переводя библиографии на новые методологические рельсы, мы сами роем ей могилу, превращая ее, по вышеприведенному выражению Г. Ильинского, в «дорогую игрушку», все более теряющую научную и социальную значимость...

Переходим к другой важнейшей проблеме нашей науки. Переходим к вопросу о методе библиографии.

D) МЕТОД БИБЛИОГРАФИИ

Мы видели, как плодотворно было применение теории диалектического материализма для анализа вопросов, связанных с определением объекта и содержания библиографической науки. Мы видели, как правильная методологическая установка привела нас к жизненному пониманию предмета библиографии, к пониманию направления ее развития в современном обществе. Посмотрим теперь, как в свете нашей научной теории должны мы мыслить себе научный метод библиографии. Само собой понятно, что мы имеем здесь в виду общий научный метод, а не частные и специальные проблемы библиографической методологии, разработка которых на фундаменте обосновываемой здесь научной теории является делом дальнейшей научной работы.

Пребывая по преимуществу в рамках внешнего описания, старая библиография естественно не ощущала острой потребности в руководящем общем научном методе. Как всегда бывает на низших ступенях труда, ее частные приемы и методы вырабатывались практикой, запечатлевались в системе каких-то правил и инструкций и не связывались ни с каким общим научным методом, в свете принципов которого они должны были бы получить свое согласование и обобщение.

Иначе дело обстоит, когда, как теперь в XX веке, библиография все больше идет к тому, чтобы стать наукою описания книг и ориентировки в них по существу, когда она не может ограничить себя рамками только аналитической работы, но и все больше должна давать синтетические обобщения и подводить к формулировке закономерности, когда она стоит перед сложнейшей проблемой разработки методов «рентгенизации», если можно так выразиться, содержания книг применительно к различным социальным группам читателей. Иначе, говорим мы, обстоит дело тогда, когда весь предмет библиографии предстоит нам в ином, более широком, освещении, чем раньше.

Предмет и метод всякой дисциплины всегда тесно и неразрывно между собою связаны. И если мы только что пересмотрели ее предмет, тем самым определяются линии пересмотра и ее общего метода.

Те, для кого неприемлем будет социологический (историко-материалистический) метод в библиографии, несущий с собою коренную переоценку всех приемов библиографической работы, должны будут поэтому направлять все свои силы прежде всего против расширения самого понятия библиографии.

Здесь теснейшая связь...

Итак, каков же должен быть общий научный метод библиографии? Как мы уже видели, концепция диалектического материализма есть концепция монистическая, и в силу этого диалектический материализм находит себе применение во всех науках, — как в науках о природе, так и в науках об обществе. В науках социальных он фигурирует как метод социологический (историко-материалистический), представляя собою частное приложение диалектико-магериалистических принципов к своеобразному миру социальных явлений. На основе социоло-

гического метода закладывается и такая родственная нам наука, как история литературы, или, употребляя более современный термин, — наука литературоведения. На этом же базисе начинает на наших глазах закладываться и новая наука — наука искусствоведения. Историко-материалистический метод постепенно становится, как известно, методом в с е х общественных дисциплин. Он есть единственный в настоящее время научный метод изучения общественных явлений, к какой бы области они ни относились. Только этот метод придаст научную постановку и вопросам книговедения. И в первую, конечно, очередь — вопросам библиографии, как важнейшей дисциплине книговедения, ставящей себе задачей разбираться в книгах со стороны самой существенной — со стороны их содержания. Не имея в виду задерживаться здесь на изложении основ историко-материалистического метода, мы лишь в двух словах должны напомнить о самой его сущности.

В чем он заключается?

Осветить правильно какое-нибудь явление социальной жизни может только широкая социальная точка зрения, которая исходит из мысли об органическом единстве социального организма и историю этого социального организма мыслит как историю борьбы классов. Представление об общественном развитии как о развитии, определяемом не классами, а индивидами, — не научно. «Не подлежит сомнению, — писал еще полстолетия тому назад Карл Родбертус в письме к А. Вагнеру (от 31/V 1875 г.),— что этот индивидуалистический фокус-покус в конце концов превратится в ничто и что только тогда общественная наука сделает самые стремительные успехи». Эти стремительные успехи, как мы знаем, и сделала за истекшие 50 лет научная социология, опирающаяся на теорию исторического материализма, на теорию марксизма.

И мы знаем, с другой стороны, что буржуазная наука до сих пор еще цепляется за этот «индивидуалистический фокус-покус», что как нельзя более свидетельствует о ее вырождении.

Пестрая и непонятная путаница индивидуальных стремлений и действий только тогда получит разъяснение, когда мы за ними провидим закономерное развитие социальных групп и классов. Все содержание человеческой истории предстает тогда перед нами в совершенно новой перспективе — не как хаотическая борьба лиц, а как единая строго обусловленная закономерность. Научно понять что-нибудь в классовом обществе вне понимания всей человеческой истории, как истории борьбы классов, — невозможно.

Не связывая явлений книжной жизни с социальной борьбой, нельзя будет научно их осознать и установить законы их развития. Не уяснивши себе причинной обусловленности социальных явлений в их целом, библиограф н и ч е г о не поймет в причинной обусловленности и библиографических явлений.

Чем же определяется эта причинная обусловленность всех социальных явлений? В конечном итоге — состоянием производительных сил данного общества, т. е. степенью его развития по отношению к отвоеванию у природы ее материальных благ, степенью господства человека над природой. Экономика и экономические отношения являются уже производными. Социология здесь корнями уходит в «биологию», в естественно-историческую среду. Социологический метод марксизма, как мы видим, глубоко синтетичен, он связывает неразрывной связью явления природы и общества и мыслит их процессы как процессы единого организма. Общественное развитие органически вдвигается здесь в рамки естественно-исторического развития.

Вот почему социологические исследования, вооруженные этим методом, являются столь плодотворными в научном отношении: они приближаются в смысле предвидения развития событий к тому, что дают нам в этом отношении естественно-исторические науки. Вооруженный, напр., этим методом, Плеханов в эпоху тяжкой реакции 80-х годов, в эпоху полного разброда научно-общественной мысли, в эпоху, когда оспаривалась самая наличность в России пролетариата как класса, дал блестящий научный анализ нашего общественного развития и предсказал [8]), что революция восторжествует в России именно как рабочая революция.

Вооруженная социологическим методом, библиография не только в состоянии будет развернуть научно осознанную историческую картину жизни книги, она получит надежный компас и для ориентировки в сложных вопросах жизни книги в настоящем, обладая способностью правильно учитывать самые тенденции и ближайшие пути книжного развития.

Нельзя понять жизни книги, ее развития, не уяснивши себе прежде всего движущих сил книжных явлений. Судьбы книги определяются судьбами той социальной ткани, которым они обязаны своим появлением. Надо, следовательно, достаточно ясно представлять себе эту социальную ткань, эту социальную среду, продуктом которой является книга. А так как элементами социальной ткани, как мы видели, являются общественные группы и классы, то таким образом в поисках движущих сил книжных явлений мы приходим к необходимости изучения этих книжных явлений как производных борьбы классов. На этом основном фоне развертывается вся социальная жизнь современного общества, на этом фоне развертывается и вся жизнь книги, все явления библиографии. Максимально-широкое и макси-

мально-глубокое осведомление читателя о книге путем библиографии — это одна из огромных и одна из острейших проблем социальных, т. е. одна из огромных и одна из острейших проблем к л а с с о в ы х. Без пересмотра всех своих частных методов под углом социологического метода — библиографии этой проблемы ни в какой мере не разрешить.

Наука всюду ищет установления закономерности явлений. Опираясь на социологический метод, устанавливает такую закономерность в круге своих явлений и книговедение с библиографией.

И наоборот. Все ненаучные теории книговедения обычно будут скатываться к отрицанию самого вопроса о закономерности, будут проявлять боязнь искания закономерности и причинности явлений. Как и в других общественных науках, они будут опираться не на типичное, а на единичное, не на общее, а на индивидуальное («индивидуалистический фокус-покус»!). Уважаемый проф. Куфаев так прямо об этом и говорит в своей работе «Проблемы философии книги» (П. 1924 г.) (первонач. в сб. «Sertum Bibliologicum», Госуд. изд-во, П. 1922 г.):

«Предметом книговедения служит не типичное, не родовое и не общее, а единичное, индивидуальное» (стр. 42). Или в другом месте: «Природа книги — психическая. Сущность ее в Слове и начало ее в Личности». «В начале было Слово и Слово было у бога...» «Из слова родилась книга, как из головы Зевса рождена Афина»... (стр. 15) *(смех)*. Или еще в другом месте: «Книговедение является наукой идиографической, т. е. исследующей единичное, а не номотетическою, устанавливающей законы явлений. Книговедение изучает конкретное единичное или, по терминологии Сократа, «особенное», а не абстрактное общее, — то, что однажды было, а не то, что всегда было и будет при известных условиях, изучает событие, а не закон» (стр. 43).

Приятно слышать так четко выраженное profession de foi. Хотя нового, уважаемый проф. Куфаев, здесь нет ни одного слова: за все это, как известно, ратует идеалистическая школа во всех областях общественных наук.

В духе той же школы философского идеализма ставится вопрос и у второго из сегодняшних наших докладчиков Н. Ульянинского. Повторяя Куфаева и ссылаясь на почтенного философа Виндельбанда, он еще в старом своем докладе (1924 г.) писал: «Библиография должна входить в цикл наук «о духе» и о «едином». Этому разделу наук присвоено название «идиографических», т. е. описывающих отдельные, единичные предметы. (К этому разделу принадлежит и история)»... (См. его доклад в «Трудах I Всероссийского библиографического съезда», стр. 231—232).

Так проповедуют «объективисты» свою реакционную, ненаучную философию.

Да! наши дорогие друзья справа — «объективисты», что называется, до невозможности: во имя «объективизма» они ратуют за фотографии обложек, за формально-схоластические методы работы и за другие такие же прекрасные вещи. Вчера Е. Шамурин во имя высшего объективизма отказался даже дать нам какие бы то ни было «субъективные» о б о б щ е н и я относительно поступивших в Книжную палату анкет *(смех)*.

Но своей идеологии объективисты, как и мы, грешные, не забывают нигде и никогда!

Недавно мне попались в «Печати и революции» (1925 г. № 5—6, стр. 80—81) неплохие строки об объективистах. Не могу не поделиться с вами, товарищи. «Объективисты, — читаем мы там, — отвергают «мировоззрение» во имя девственной чистоты исследования. На деле же мнимые объективисты тайно предаются пороку наихудшего субъек-

тивизма. На деле лжеобъективисты прячут, как секретную болезнь, свое мировоззрение».

Товарищи! Теперь, когда у нас происходит оформление библиографических течений, наши методологические разногласия никак уже не спрячешь. В интересах нашей общей работы, в интересах взаимного понимания нам необходимо ставить этот вопрос со всею ясностью. Вот почему я в своих тезисах и говорю: «Почти безраздельно находясь во власти ярко выраженной, хотя до последнего времени не осознавшей еще себя теоретически, буржуазной идеологии, старая библиография не создала в капиталистическом обществе никакой научной теории и не сложилась в науку в действительном понимании этого слова. Поскольку в последнее время, под влиянием обостряющейся социальной борьбы, старой библиографии приходится для укрепления своих позиций делать попытки известного теоретического своего оформления, она неминуемо обречена на то, чтобы все яснее обнаруживалось идеологическое содержание ее методов...».

Возвращаемся к вопросу о приложении социологического метода к области библиографии.

Ошибочно было бы думать, что библиография имеет нужду в социологическом методе лишь для своих обобщений и что во всех других случаях относящиеся к ней явления изучаются «имманентно», сами в себе, в замкнутом виде, как нечто индивидуально-обособленное.

Остановимся немного на этом важном вопросе. Разберем, в чем здесь дело.

Мы видели при изложении теории диалектического материализма, как, оперируя ненаучным методом, метафизическое мышление всюду разрывает живую ткань жизни и как в силу этого оно органически лишено возможности понять явления в том виде, в каком они, в конце концов, только и имеют место в действительности: в их

органической связи, в их неразрывном единстве. С таким искусственным разрывом имеем мы дело и в данном случае, когда хотят оставить социологический метод для изучения одних явлений книжности и оторвать его от других. Единый процесс научной работы разрывают на две части и говорят при этом следующим образом. Во всякой ведь науке, в том числе и в библиографии, сначала факты собираются и описываются, а затем уже происходит их обобщение и объяснение. Мы, говорят, пожалуй, согласны, что без социологического метода при изучении явлений во второй стадии не обойтись. Но почему он необходим также и в первой стадии работы — при «простом» процессе собирания и описания материала? Здесь ведь явления берутся не в их «динамике», а в их «статике», — мы рассматриваем и описываем книги просто «как таковые» и нам не нужно никакого к ним социологического подхода.

Нетрудно видеть несостоятельность подобных рассуждений. Возьмем хотя бы первую стадию библиографической работы — подбор материала. Вы помните, диалектика нас учит, что обособленных, «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе быть не может. Библиограф, вооруженный социологическим методом, никогда не будет мыслить свой частный вопрос, по которому он собирает материал, резко изолированным, отъединенным от целого, от других вопросов. Он будет стремиться к возможно комплексному охвату материала, не забывая стягивать его из всех перекрещивающихся областей; он будет при этом стремиться охватить этот материал, руководясь не коллекционерскими формальными соображениями, а в разрезе социально-осознанной целевой установки и т. д. Достаточно, в этом разрезе подбора материала, сравнить между собою труды библиографов разной методологической установки, чтобы видеть, насколько эти труды между собою разнятся по самому своему содер-

жанию. Заставьте, напр., двух разных в этом отношении библиографов попробовать подвести итоги тому, что дано, ну, скажем, библиотековедческой мыслью за определенный период времени, и посмотрите, что они дадут. Библиотековедческая наука, как и всякая другая, не есть, если не мыслить метафизически, отрубленное, оторванное, законченное в своей данности целое. Она перекрещивается, она переплетается с разными другими дисциплинами, органически в нее входящими, с нею неразрывными. Без социального осознания многообразного содержания современного библиотековедения и его проблем может библиограф разобраться в сложном клубке нужной библиотековеду литературы? Конечно, нет! Не вооружившись социологическим методом, может он по-настоящему библиографически ориентировать читателя в этой литературе? Конечно, нет! Без этого работа его не будет достаточно отвечать ни научным, ни практическим требованиям. Научным потому, что из нее нельзя будет сделать никаких научных выводов о путях развития библиотековедческой мысли в данный период, об эволюции библиотековедческой науки, об основных и характерных ее течениях. Практического значения она не будет иметь потому, что сделанный отбор не будет охватывать того комплексного ядра, которое должно помогать библиотековеду творить сложную и многообразную библиотековедческую жизнь.

Социологический метод дает возможность ориентироваться в жизни, овладевать жизнью. И он необходим при всякой библиографической работе — к какой бы области она ни относилась, а не только в области общественных дисциплин, как в только что приведенном примере. Только вооружившись таким методом, естественник мог дать такую жизненную библиографическую работу, какую дал, напр., Г. Г. Боссэ в своем вышедшем в позапрошлом году «Обзоре научно-популярной литературы по биологии»

(изд. Коммунистич. ун-та им. Свердлова. М. 1924 г.). И, наоборот, оторванная от осознания социальной среды, лишенная всякой ориентировки на читателя, под углом коллекционерства составленная, какую, спрашивается, будет иметь цену библиографическая работа даже по такому, напр., вопросу, как ремесла? В прошлом году как раз вышла такая (А. Д. Торопов. «Ремесла и ручной труд». М. 1925 г.).

Не вооруженная социологическим методом, вне осознания жизни в ее конкретной данности, вне осознания читателя в его конкретной данности, библиография во всех областях знания может быть только безжизненным коллекционерством, а не орудием просвещения и действительной ориентировки в книгах.

Так обстоит дело с вопросом об ориентировке библиографа в собираемом им библиографическом материале.

То же самое и при описании книг. Вне социологического подхода нельзя нащупать правильных методов и приемов и описания книг — будет ли то внутреннее описание или даже только внешнее. Этого последнего вопроса мы еще коснемся в дальнейшем.

Итак, можно ли говорить об «имманентном» оперировании с книгой в каких бы то ни было стадиях библиографической работы? Можно ли говорить об обособленном библиографическом изучении книг «как таковых»?

Ясно, что первые ступени всякой научной работы не есть самостоятельные ступени, не есть научно-обособленная проблема. Ясно, что они лишь необходимые первые звенья работы, органически связанные с дальнейшими ее этапами, где социологический метод лишь расширяется и углубляется в своем применении (напр., при библиографических обобщениях, при изучении истории библиографии и т. д., — вообще при всех попытках

формулировки закономерности в круге явлений, которыми занимается библиография).

Вот почему всем библиографам, которые стремятся к «имманентному» праву «имманентно» заниматься «имманентным» исследованием книг даже в нижних этажах нашего библиографического здания, отдохнувши хоть там «от этой проклятой социологии», вот почему всем библиографам, обращающим недоуменный вопрос: дайте же, наконец, заниматься «просто» библиографией, «чистой» библиографией, библиографией «как таковой» — представители библиографии, опирающейся на научную методологию, могут ответить только одно: «Нет-с, уважаемые товарищи, не дадим!»

Для кого социологический метод неприемлем, тот должен отвергать его целиком и попытаться найти другой научный метод для библиографии. Но социологический метод марксизма — монистичен, круг замкнут и «имманентных» лазеек в нем нет.

Основной метод определяет собою всю методологическую установку в работе, и разногласия в науке начинаются не только там, где приступают к объяснению фактов, к обобщению их; разногласия идут по всему методологическому фронту.

Проф. А. А. Сидоров в своей статье «Книга как объект изучения» («Книга в России», т. I. М. 1924 г.) пишет: «Нам думается, нечего доказывать, что книгу, что любой предмет изучения надо прежде всего у з н а т ь, прежде чем постараться понять его закономерность».

Бесспорная истина! Но разве об этом идет спор?

Речь идет вот о чем: а каким же методом прикажете книгу «узнать»? Мы говорим — научным, социологическим! Наши противники хотят ненаучного, «имманентного».

Один из товарищей, работающих в области научной разработки вопросов родственной нам дисциплины библио-

тековедения, говорил на I Конференции научных библиотек: «Сейчас перед нами стоит задача пересмотреть целый ряд основ библиотековедения с точки зрения социальной. Все методы библиотечной работы должны быть проверены. Должны быть взяты под подозрение все вопросы старого библиотековедения» (Д. Балика. «Труды конференции», стр. 54).

Методы, которыми оперировала старая библиография, ни в каком смысле не удовлетворяют потребностям современного научного знания. Они тоже должны быть «взяты под подозрение» со стороны своей научности и пересмотрены сверху донизу.

И социологический подход сулит нам в этом отношении широчайшие перспективы. В дополнение к тому, что нами ранее говорилось об этом, — еще один маленький пример. Возьмем вопрос о самом примитивном виде библиографического описания — о принципах схедографирования. Это ли, спрашивается, не самое «чистое из чистых», «имманентное из имманентных» занятий? Автор, название, год и т. д. Неужто и здесь социологический метод? Неужто и здесь есть что «взять под подозрение»?

Мы намеренно берем уголок, столь, казалось бы, мало связанный с социальным моментом, с идеологией. Но в том-то и дело, что мировоззрение есть нечто такое, что определяет методы работы во всех сторонах, во всех уголках человеческой деятельности. В самом деле, чем определяется выбор элементов при всяком описании, ежели к нему подходить научно и жизненно? Описание книг должно давать возможность: 1) дальнейших научных обобщений и 2) практической жизненной ориентировки. Проблема заключается здесь в том, чтобы установить и теоретически обосновать необходимость наличности в библиографическом описании какого-то определенного

минимума основных элементов. Это, напр., довольно удачно проделал проф. Куфаев в своей недавней статье [9]). В зависимости от целевой установки библиограф привлекает к этому основному минимуму элементов — те или иные дополнительные элементы.

Такова постановка вопроса, если ставить его научно [10]).

А на что ориентируется старая библиофильская школа библиографического описания?

Она ориентируется на обложки, на механическое воспроизведение их в их фотографической, индивидуальной данности («как таковые»!). Случайна эта подмена научных социальных заданий индивидуалистическим фетишизированием обложек?

Нет, не случайна!

Индивидуалистическим фетишизированием вещей, ненаучным индивидуалистическим отъединением их от целого пронизано, как мы уже вскрывали ранее, все мировоззрение буржуазии, выросшее на почве построенного на индивидуалистическом начале буржуазного общества. В какую щель буржуазной науки ни заглянуть, к каким из ее методов ни подойти — неизменно будешь наталкиваться все на того же старого знакомого — все на тот же, по удачному выражению Родбертуса, «индивидуалистический фокус-покус». На этом зиждется вся буржуазная идеология. На этом зиждется и вся буржуазная школа библиографии.

И посмотрите, товарищи, какой здесь трогательный своего рода «монизм» — по всему фронту, начиная от философии и методологии, как мы показали выше, и кончая схедографией! Библиофильская теория схедографирования особенно, как известно, страдает титулографическими узорами, индивидуалистическим описанием обложек. Дадут эти узоры или не дадут нужный научный или практический материал — схоластов это не инте-

ресует. Дело может доходить даже до того, что ежели, примерно, на обложках будет стоять «Москва — Ленинград — Берлин», — их фотографический аппарат так это и воспроизведет, но отнюдь не даст себе труда выяснить, где же собственно книга была издана и т. д.

Закон ведь всей библиофильской теории один: важен не читатель, а «принцип». И ежели принцип не удовлетворяет жизни, не овладевает ею... тем хуже для жизни и для читателя.

Если вдуматься в эту теорию, подменяющую описание книг фотографированием обложек, и в те последствия, которые это имеет для культуры, нельзя будет не признать, что это — очень «удобная» теория для того, чтобы уводить библиографию не только от ориентировки на читателя, на запросы социальной жизни, но и вообще от ориентировки на описание в какой бы то ни было мере самой книги. Всякому понятно, что формальная фотография не есть библиография. Шнейдер в своей «Handbuch der Bibliographie» дает следующую сжатую, но выразительную формулировку по данному вопросу (стр. 82): «Nicht Umfang und Genauigkeit an sich, sondern Klarheit und erschöpfende Gedrängtheit, mit einem Wort—Zweckmässigkeit bestimmen den Wert einer Aufnahme. Das blosse Sammeln der Titel macht noch nicht die Bibliographie». («Не объем и точность сами для себя, а ясность и исчерпывающая сжатость, одним словом — целесообразность определяют достоинство библиографического описания. Простое собирание титулов — не есть еще библиография»).

Научная библиография не может относиться к этой библиофильской теории фотографирования обложек иначе, как резко отрицательно, она решительно отвергает фотографирование, как самоцель. Схедографирование, как мы знаем, неотделимо от элементов аннотирования,

и задача научной библиографии, опирающейся на социологический метод, будет здесь состоять в том, чтобы, вскрывши мнимую «научность» фотографирования, его идеологические основы и его практическую нецелесообразность, бороться за более жизненные принципы схедографического описания, объединяя, конечно, в нем все необходимые конструктивные элементы описания книги из титула, но объединяя в нем и все действительно необходимые для науки и культуры сведения из самой книги — взамен нагромождения тавтологического набора слов с обложек [11]).

На только-что приведенном примере мы хотели, товарищи, показать, что, опираясь на социологический метод, научной библиографии действительно придется «взять под подозрение» и произвести полную ревизию всех старых приемов библиографической работы — во всех ее уголках. Только в свете социологического метода разрешит библиография успешно проблематику всех своих частных методов и приемов и в состоянии будет дать им действительно научное обоснование. Опираясь на широко в науке разработанный социологический метод, библиографическая методология приобретает твердую, научно выдержанную линию.

Широкое применение найдет социологический метод не только, конечно, по отношению к построению теории библиографии, но и по отношению к изучению ее истории.

Жизнь и история библиографии с точки зрения социологической каузальности — это, конечно, не будет история библиографов, как не есть история литераторов научная история литературы и т. д. Библиограф-социолог установит тесную зависимость развития библиографии от развития всего социального организма, он даст анализ

путей, по которым неизбежно должна была развиваться библиография как производное классовой борьбы. Впервые научно будет освещен длинный и страдный путь библиографии в классовом обществе.

Итак, только вступив на тот путь, где только и открываются для каждой общественной дисциплины широкие научные горизонты, только построив свой научный метод, как метод социологический, библиография сможет вступить как наука в круг обществоведческих дисциплин.

Мы попытались заложить здесь лишь первые камни, лишь основу того методологического фундамента, без которого библиография не может выполнять своих научных задач. Исходя отсюда, теоретикам библиографии предстоит заняться подробной разработкой частных проблем теории и истории библиографии, подготовляя построение здания библиографии, как стройной и теоретически обоснованной системы знаний. В общем ведь в нашей дисциплине дело обстоит так, что куда ни повернешься — нигде, в сущности, почти ничего научно не разработано. Работы — непочатый край. И безмерно сложна эта работа, и мало у нас пока в библиографии научных сил. Но все-таки, все-таки все говорит за то, что если, наконец, начнется научно-социологическая разработка вопросов библиографии, то прежде всего это будет у нас, в СССР.

Ни докапиталистическая эпоха, ни капиталистическая эпоха не могли создать для библиографии нормальных условий развития. Пройдя через стадии любительского коллекционерства и буржуазного утилитаризма, библиография приближается сейчас к новой, действительно научной, фазе своего развития. Направляющим методологическим компасом в этом развитии будет служить ей теория научного социализма, а развивающаяся борьба за новое общество все более будет делать библиографию

мощным орудием культуры, мощным орудием раскрепощения человечества, выводя ее на широкую дорогу научного, жизненного творчества.

Но, конечно, как и всегда, это новое будет завоевано не без тяжелой борьбы. Если во всех науках процесс методологической перестройки проходит на первых порах весьма болезненно, то нет никаких оснований полагать, чтобы это вполне закономерное явление не имело и у нас достаточно яркого выражения. Позже, чем в других науках вступаем мы, товарищи, с нашим книговедением и библиографией в полосу острой войны на теоретическом фронте.

И в этой не всегда приятной войне да будет нам руководящим принципом старое прекрасное правило: «Amicus Plato, sed magis amicus — veritas est». Старые книговедческие друзья нам дороги, но дороже их — да будет нам истина!

Развитие библиографии и книговедческих дисциплин тормозится пережитками схоластических теорий. Нам надо, товарищи, вскрыть л ж е н а у ч н о с т ь этих схоластических теорий, нам надо и в нашем уголке науки показать научную несостоятельность попыток опереться на всякого рода философски-идеалистические и метафизические системы и построения. Наука в XIX и XX веке — и обществоведческая и естествоведческая — достигла блестящего расцвета только потому, что — о с о з н а н о и л и с т и х и й н о — она пользовалась методами материализма, с одной стороны, и диалектики, с другой. Нам надо и в нашем уголке науки показать, что, как и во всех других науках, только та книговедческая теория будет научна, которая опирается на методологию диалектического материализма. Под этим научным углом нам предстоит произвести переоценку всех ценностей старой библиографии [12]).

Плеханов хорошо сказал, что человечество не делает десяти историй — отдельно экономической, отдельно по-

литической, отдельно литературной и т. д. Человечество делает всего лишь одну историю. И нашему маленькому ручейку библиографической и книжной истории суждено, повидимому, течь не против общего потока человеческой истории, а в направлении его.

С течением времени будет становиться все более и более ясной историческая предопределенность и неизбежность того развития библиографии, о котором мы здесь говорили, развития под тем знаменем, на котором написано:

библиографическое изучение книги, как мощного орудия создания новой культуры и нового общества!

максимальная ориентировка в книгах максимального количества трудящихся!

библиография не как коллекционерство, а как отбор человеческого опыта!

библиография, вооруженная не формально-библиофильским, а научно-диалектическим методом!

И мы не сомневаемся, что вокруг этого знамени, истинного знамени науки и культуры, мы постепенно соберем и сплотим все живые силы библиографии.

МЕТОДОЛОГИЯ БИБЛИОГРАФИИ И ТЕОРИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА.

*Тезисы к докладу *) И. В. Владиславлева*

I. а) Переходные эпохи всегда характеризуются ревизией старых и исканием новых научных методов: необходимо нарождающийся новый опыт обобщить и научно его вооружить. В нашу эпоху, когда совершается невиданная еще в истории перестройка самых основ всего старого социального строя, это получает особенно яркое выражение: теория научного социализма, являющаяся синтезом всего исторического опыта человечества, переводит науку на совершенно новые методологические рельсы.

б) Несоответствие между старыми методами и колоссальными требованиями, предъявляемыми все усложняющеюся действительностью, наблюдается сейчас в большей или меньшей мере во всех науках. В области библиографии это несоответствие выявляет себя особенно остро. Быть может, более чем какая-либо другая область знания, библиография оказалась несостоятельной перед большими задачами, которые ставит перед нею исключительная по сложности эпоха. Даже у нас, в нашем Союзе республик, где в области других наук последние годы отмечены столь плодотворной разработкой вопросов методологии (различные отрасли социальных, естественных и даже прикладных наук), библиография ни в какой мере не заложила еще основ своей новой научной методологии.

в) Почти безраздельно находясь во власти ярко выраженной, хотя до последнего времени не осознавшей еще себя теоретически, буржуазной идеологии, старая библиография не создала в капиталистическом обществе никакой научной теории и не сложилась в науку в действительном понимании этого слова. Поскольку в последнее время под влиянием обостряющейся социальной борьбы старой библиографии приходится для укрепления своих позиций делать

*) Зачитан в утреннем заседании 26 ноября 1926 г.

попытки известного теоретического своего оформления, она неминуемо обречена на то, чтобы все яснее обнаруживалось идеологическое содержание ее методов, чтобы все резче выявлялись заложенные в ней тенденции: увести библиографию возможно дальше от жизни вообще и от служения ее задачам революционного социализма в особенности — под всеми теми флагами, под какими это происходило и происходит в других науках: пресловутый, но никого не могущий уже обмануть относительно своей идеологической сути «академизм» или «библиография для библиографии», сужение самого понятия нашей дисциплины для сужения тем самым поля ее деятельности, стремление размежевать библиографов, обслуживающих разные социальные группы, стремление оторвать «теорию» от «практики», присвоив монопольную разработку первой — «чистой», «академической» библиографии и т. д.

С большим по сравнению с другими науками запозданием библиографии придется в ближайшее время пройти тот же путь обостренного размежевания и борьбы по методологическому фронту.

II. а) Разработка основ библиографической методологии является, таким образом, нашей ближайшей важнейшей задачей: надо пересмотреть вопрос о предмете и методе библиографии с тем, чтобы затем подвергнуть пересмотру в свете установленных положений все отдельные стороны библиографической теории. И прежде всего здесь встает вопрос — на базе какой общей научной методологии строить методологию библиографическую. Нельзя ведь построить здание библиографии как науки, не увязав ее методов с основами общей научной методологии, т. е. не договорившись о том, что мы будем считать наукой, что такое научная истина вообще и какими методами она добывается. Необходимо внесение полной ясности в этот вопрос.

б) Наиболее отточенное оружие в этом отношении дает науке теория диалектического материализма: являясь высшей формой осознания тех диалектических процессов, которые лежат в основе природы (и в основе части этой природы — общества), эта теория представляет из себя наиболее совершенное методологическое орудие для отыскания всякой научной истины. Поэтому- то она и становится все более той общей методологической базой, из которой исходят все науки при построении своей методологии. Из нее должны исходить и все желающие построить действительно научное здание библиографической методологии нашего времени.

III. а) По мере того, как, с одной стороны, жизнью выдвигаются все новые формы и методы библиографической работы, с другой

стороны, в некоторой части библиографических кругов замечается все большее стремление сузить объем и задачи библиографии до таких чисто внешне-описательных и до таких беспринципно-регистрационных рамок, в которые библиографию не замыкали даже сотни лет тому назад. Столь далеко идущее реакционное течение является как раз красноречивым симптомом того, что жизненное течение в библиографии окрепло, и что создавшуюся практику нужно лишь теоретически оформить и теоретически обосновать. Прежде всего должно быть расширено самое понятие библиографии. Научное определение предмета всякой дисциплины должно исходить не из абстрактных формальных соображений, а из всего объема опыта людей в данной области. Обращаясь к этому опыту, мы видим, что помимо внешнего описания книг («схедографирование») намечаются еще следующие типы библиографических описаний: «аннотирование», «реферирование», «рецензирование». Путь развития современной библиографии намечается ясно: от «титуло-графии» к «библио-графии», т. е. к описанию действительно книг, а не только их титулов. В число своих важнейших задач современная библиография ставит поэтому — теоретическую разработку принципов указанных выше видов внутреннего описания книг. Само собой разумеется, что эта разработка будет совершаться в разрезе тех задач, которые вообще ставит себе библиографическая работа: в соответствии с определенной целевой установкой дать общую осведомленность в книгах (библиографическое реферирование отличается, напр., от обширных специальных рефератов научных журналов, равно как библиографическое рецензирование не есть обычный тип рецензий).

б) Только выходя за рамки формально-внешнего описания, библиография получит материал для всякого рода библиографических обобщений относительно эволюции книг со стороны их количества и содержания, обобщений, которые так необходимы и самой библиографии, и на основе которых смогут сделать известные выводы и историк культуры и социолог, почти не получавшие ранее от библиографии ни жизненной статистики, ни вообще никаких сводных жизненных работ.

Занимаясь, таким образом, на низших ступенях анализом отдельных произведений и их групп, библиография в своих обобщающих работах поднимается до высшего библиографического синтеза, выполняя тем самым свое назначение быть наукой, задачей которой является — путем описания книг давать чело-

вечеству максимальную ориентировку в накопленных им книжных богатствах.

IV. Библиография — явление социального порядка. Как и для других общественных дисциплин — основным научным методом для нее является метод социологический (конечно, в его научном, т. е. историко-материалистическом понимании). Этот метод впервые даст возможность и научно осветить исторические судьбы библиографии и осознать ее задачи в современный период ее развития, и поставить на правильные основы разработку всех ее частных приемов и методов. Выделение «имманентного» библиографического исследования, не как естественного момента в едином процессе научной работы, руководимой единым методом, а как его самостоятельной, органически обособленной части—не научно.

V. Капитализм не мог быть заинтересован в широком развитии книговедческих дисциплин. Они влачили при нем в общем жалкое существование. Социализм же, с его обобществленным плановым хозяйством и с его стремлением к поднятию культуры всего человечества, кровно заинтересован в широком развитии библиографии. Только социализм и его научная теория могут вывести библиографию из тупика крохоборческого коллекционерства и узкого буржуазного утилитаризма на широкую дорогу углубленного научного и общественного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДОКЛАДУ (27 г.)

[1]) Проникновение расслоений туда, где еще вчера был «единый» фронт, — явление вполне закономерное: библиография, как мощное орудие культуры, становится вместе с ростом социализма — все более орудием классовой борьбы. Капитализм все более ведь напрягает силы в мобилизации обороны своих позиций и рублем, и дубьем, и наукой. Чрезвычайно характерна, напр., для наших дней широкая международная библиографическая работа, развиваемая с 1923 года Лигой Наций, втянувшая в круг своей орбиты, между прочим, и Брюссельский Международный Библиографический Институт. Книговедческая печать Запада все чаще начинает о т к р ы т о выявлять свое классовое лицо, не считая уже иногда нужным прикрывать классовое содержание своей книговедческой теории и практики флером внешнего «объективизма» и «нейтрализма». Ср., напр., некоторые откровенные высказывания в журн. «Archiv f. Bibliographie» за 1926 г. О библиографической работе Лиги Наций ср., напр., ст. в украинском «Журн. Бібліотекознавства та Бібліографії» (в № 1 за 1927 г., под заглавием: «Бібліографія на службі західньо-европейського імперіялизму»; при реферировании статьи на немецком языке этот боевой заголовок заменен почему-то другим — ср. стр. 168).

[2]) Мы не можем, конечно, давать здесь вообще систематического изложения основных положений материалистической диалектики; мы останавливаемся на этом лишь в том разрезе, в каком это необходимо для целей общего обоснования нашей книговедческой методологии.

[3]) Книговедческие схоласты губили и губят у нас жизненное применение прекрасной идеи децимализма (в библиографии — благо, что это процветает часто как никого не интересующее «искусство для искусства» — они занимаются вышиванием самодовлеющих кабалистических классификационных индексов; в библиотековедении они одно время заводили в тупик классификацию даже общедоступных библиотек); книговедческие схоласты губят у нас

схоластически-формальной постановкой дела прекрасную идею предметной каталогизации, жизненная постановка которой — с правильной увязкой заданий аналитических и синтетических — столь нужна нашей революционной стране; даже из такой не плохой частности, как пресловутые «коллективные авторы», метафизики-книговеды умудряются создать мало практичную «универсальную» теорию, которая тотчас же приводит к противоречию с диалектикой действительности, порождая подобную непрактичной теории — «непрактичную практику».

Присматриваясь к нашей книговедческой действительности, нельзя не видеть, как эта теоретическая неподготовленность постоянно тормозит наши начинания. «Теория», быть может, и не всегда мало «изучается», но, не имея достаточного общетеоретического научного базиса, не умеют преодолеть схоластическую теорию. Относительная значимость нормативных положений и проблема конкретной истины, взаимопроникновение теории и практики, диалектическая взаимообусловленность и взаимоотношение количества и качества, формы и содержания, индукции и дедукции, единичного и целого, родового и видового и т. д. — все это проблемы, без правильного уяснения которых теоретические построения обречены на то, чтобы путаться в клубке неразрешимых противоречий. Пока в книговедческой работе речь идет об анализе (индексация отдельных книг, «предметный анализ» единичного при каталогизации и т. п.), недостаточная теоретическая грамотность может и не бросаться в глаза; она обнаруживается, когда из анализированного материала приходится что-то строить, когда приходится переходить к синтезу: построить жизненное здание предметного каталога в его целом или построить удобный для пользования библиографический труд определенной целевой установки и т. п. Очень показательна, напр., в этом отношении практика нашей Книжной Палаты: неумеренная пропаганда самого неумеренного «десятичного анализа» отдельных книг в «Книжной Летописи», а затем неожиданный отказ вообще от десятичной системы — при первой же необходимости от безответственного, самодовлеющего «анализа» перейти к ответственному «синтезу» и как-то свести концы с концами даже в таком несложном издании, как «Ежегодник Книжной Палаты».

На II библиографическом съезде Н. Здобновым читался специальный доклад о борьбе за «библиографическую грамотность». Доклад — важный, если бы автор не свел этой большой проблемы главным образом к некоторым частным вопросам технической грамотности (схедография). Техника — вещь в каждом

деле необходимая. Но она не самостоятельна, а обусловлена методологией. За что нам в первую голову приходится бороться — это за грамотность методологическую, т. е. за бо́льшую научную подготовку книговедов, — за ориентировку их в вопросах социального бытия, за умение их пользоваться более целесообразными методами работы. Совершенствование технических приемов в той или иной научной дисциплине только тогда ведь получает действительно правильное разрешение, когда оно опирается на обусловливающее их правильное разрешение методологических проблем. Иначе вся «техника» может часто строиться «на песце». (См. ниже прим. 7.)

[4]) Когда-то геоцентрическая точка зрения на мир была заменена гелиоцентрической. И это изменило для нас всю картину мира, все старые теоретические построения. Устанавливая историческую точку зрения на истину и ее классовую обусловленность, марксизм тоже изменяет для науки «всю картину мира», уясняя в новом аспекте процессы развития природы, общества и самого человеческого мышления. Историческая миссия марксизма в области книговедения состоит прежде всего:

а) в том, чтобы сделать «солнцем», вокруг которого должна вращаться книговедческая работа, — человека, а не книгу (разрушить до конца фетишистический книго-центризм, заменив его читателе-центризмом); здесь острие направляется против наиболее реакционной части буржуазии, против библиофильствующих ихтиозавров, вращающихся вокруг книги «как таковой», против, так сказать, исторических plusquamperfectum'ов;

б) в том, чтобы сделать центром вращения не «человека вообще», какового, как известно, в природе классового общества не существует, а живого исторического человека—тот класс, которому принадлежит историческое будущее; здесь острие будет направлено против маскирующейся в тогу мнимой «объективности» и мнимого «нейтралитета» либеральной буржуазии — с ее сознательными и несознательными попутчиками, против, так сказать, исторических imperfectum'ов.

«Передвижка» точки зрения как будто небольшая. Но она влечет за собою в книговедении революцию во всех методах работы и создает в конце концов новую научную теорию.

[5]) Переиздано Комакадемией под загл.: «Философско-социологическая литература марксизма (1917—1927)». М. 1928 г.

[6]) Нам известен один интересный опыт своеобразного «аннотирования» авторов, имевший место в одном из политикопросветительных московских учебных заведений несколько лет тому назад и поль-

зовавшийся у читателей большим успехом: курсанты в течение года составляли по ряду вопросов каталоги избранной литературы, давая библиографическую ориентировку путем сообщения кратких сведений об авторах — его общее социально-политическое credo, его принадлежность к определенному течению, определенной школе, сведения о других его трудах в данной области и т. п. Бегло коснулся этого вопроса в связи с проблемой культурной революции незабвенный, всегда горевший, С. А. Венгеров в своей посмертной статье, напечатанной в сборнике «Sertum Bibliologicum» (П. 1922), хотя и продолжая еще путаться в пресловутом трактовании библиографии как «олицетворения полного безразличия»... Есть ли вышеуказанная ориентировка в книгах — работа библиографическая, где здесь начинается и где здесь кончается библио-графия — это «проблема» для книговедческих схоластов.

[7]) Внутренний распад и отсутствие ясно осознанной целевой установки в жизни приводит к отсутствию определенного научного критерия при отборе нужных фактов. Теоретическим обоснованием служит при этом защитная теория мнимого «объективизма» (ср. об этом стр. 59—60, 78 и др.). Этот коллекционерский максимализм, вообще характерный для старой науки, у библиографии буржуазии получил особенно яркое выражение. При оценке библиографического труда не выясняют обычно ни социальной значимости его замысла, ни вопроса о тех выводах и обобщениях, которые он позволяет сделать, ни общей выдержанности его целевой установки, ни широты осведомленности автора в вопросе и во всех важнейших источниках для комплексного охвата темы, ни целесообразности применяемых им методов для легкости и быстроты отыскания нужного материала, ни целесообразности общей композиции труда и т. п. Дело обычно ограничивается частными вопросами техники, а главным образом и прежде всего соображениями о количестве, о «пропусках».Считается при этом, что идеал надо видеть не в научном optimum'е, а в коллекционерском maximum'е, в собирании необъятного моря всех писаний, хотя бы и пустопорожних. А так как истина знаменитого старого философа о том, что «необъятного никто же объять не может» (Кузьма Прутков), остается пока в силе, то старая библиография, при колоссальном потоке современной печатной продукции, и заходит все более в безвыходный тупик: критически ориентироваться

в этом потоке она не может, а осуществлять свой утопический и ненужный идеал «исчерпываемости» она тоже не может.

Касаясь проблемы коллекционерской «исчерпываемости», хочется напомнить здесь об одном замечании о библиографии «стороннего наблюдателя» (если не ошибаемся, известного литературного критика А. Горнфельда). Подвергая разбору одну известную библиографическую работу по литературе, он четверть века тому назад писал, между прочим, следующее: «Мы не стояли бы за исчерпывающую полноту; мы предпочли бы, чтобы библиографический указатель был также критическим, чтобы указания делались в нем по выбору, который определялся бы и достаточно широкой, но твердой и ясной точкой зрения, и знакомством с содержанием указываемых сочинений, и тактом, дающим возможность отвергнуть одно и принять другое. До такой библиографии мы просто не доросли — и каждый новый указатель есть доказательство этого: нет в них ни исчерпывающего знания предмета, ни смелости занять в его оценке какое-либо положение, ни попытки дать внутреннее единство своей системе. Это недостатки не индивидуальные, а общественные»... («Русское Богатство» 1904 г., № 7, стр. 127).

Да, общественные... И вывести библиографию из этого тупика под силу только социализму — с его ясно осознанными целями строительства и отчетливой методологией. Это — *его* историческая миссия!

[8]) Или научное прозрение в будущее Маркса, предсказавшего близкое наступление эпохи диктатуры пролетариата, как перехода к социалистическому обществу. Или такое частное научное пророчество, как предсказание Энгельсом еще в 1887 году (!) общеевропейской войны, когда короны «дюжинами будут валяться по мостовым». «От восьми до десяти миллионов солдат, писал он, будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи».

[9]) См. также в статье D-r E. Horn в журн. «Archiv f. Bibliographie, Buch- und Bibliothekswesen», 1926 г., № 1.

[10]) Та простая истина, что методы библиографического описания должны быть проникнуты целесообразной гибкостью, что к о с т о в у всякого библиографического описания, представляющего из себя комплекс основного минимума элементов (автор, название, место, год и т. п.), дополнительные элементы присоединяются, варьируясь, в зависимости от типа библиографии и социального ее назначения, привела на съезде в священный ужас некоторое количество наших уважаемых коллег, протестовавших против такой «свободы» описания «всеми фибрами своей души». Чтобы представить диалектиков ниги-

листическими монстрами и отрицателями всяких формальных основ полезно иногда сделать вид, что они сказали больше, чем хотели, и что они восстают не против схоластических правил, а против правил «вообще». Подобно тому, как говорить о «политической свободе» — это не значит говорить о «свободе» делать все, что хочешь (подобное разъяснение нам, революционерам, приходилось давать иногда в 1905 году), так и целесообразная свобода в описании книг не есть убийство всяческих формальных норм. Все это—не по адресу, и диалектика, право же, не такая страшная вещь, как ее некоторые невежественные люди малюют: не отрицая известных формальных положений, она подчиняет их лишь своему общему руководящему научному методу, раскрепощая науку от закостенелых формальных догм и схоластики. А что тем самым она всегда несет смерть «теориям» старой школы метафизиков-формалистов — это, на наш взгляд, не только не страшно, но, наоборот, очень даже приятно.

[11]) Замена библиофильского метода описания книг описанием научным — не частность библиографической практики. Это — большой вопрос культуры. Еще в 1923 году (ср. предисловие к «Библиографическому ежегоднику», т. V) мы обращали внимание на пагубное значение библиофильских пережитков в ведении, напр., нашей государственной книжной регистрации в «Книжной летописи». Аршинные библиофильские фото-глупости лишают нас возможности более полно учитывать нашу печатную продукцию, они лишают нас возможности отводить должное место описанию содержания книг, они лишают нас возможности иметь необходимейшие сводные алфавитные и предметные регистры, без которых тормозится научная и культурная работа (сам руководитель «Книжной палаты» должен был признать в одном из своих публичных выступлений, что отсутствие последних — «действительно безобразие», но что повинна Главнаука, не отпускающая еще новой на это дотации). Ни в одном из регистрационных по печатной продукции органов на Западе мы не найдем ничего подобного (ср. нем., франц., англ. и др. органы). Не связывая своей работы с интересами культуры, они, правда, так же равнодушны к вопросу о максимальном раскрытии содержания книг по существу, но в условиях капиталистического общества они уже перешагнули через характерные для более ранней эпохи библиофильствующие методы, заменяя их более компактными и более целесообразными формами внешнего описания. От проповедуемого же нашей библиофильской школой фото-описания все еще пахнет дворянско-помещичьей усадьбой и кабинетом «действительного статского»,

где люди «из любви к искусству», с усердием, достойным лучшего применения, затрачивали время и средства на фотографирование обложек своих «собраний». Отпечаток барской закоснелой обломовщины лежит еще на разных сторонах нашей жизни. Это закономерно: воспитанное веками скоро не изживешь. Но закономерно также и то, что революционная Россия скорее хочет стряхнуть с себя это наследие, скорее хочет вооружить себя везде более целесообразными методами работы. Даже весьма в общем консервативный по своему составу I Всероссийский библиографический съезд в 1924 году вопиял о необходимости «беспощадных сокращений» (стр. 131 и др.) в приемах описаний нашей регистрационной государственной библиографии, подчеркивая в резолюции необходимость «более систематически проводить хотя бы самое краткое раскрытие содержания книг с неясным или неверным титульным листом» («Труды», стр. 144; ср. также стр. 256). То же и на II съезде. Но и в 1928 год мы вступаем все с тем же тяжелым библиофильским грузом: обложки 22 тысяч книг годовой за 1927 г. продукции «описаны» более чем на 3 500 (трех с половиною тысячах) страницах.

[12]) История свидетельствует: господствующие идеи есть идеи господствующих классов (К. Маркс). Эти господствующие классы очень охотно концентрируют свою идеологию в различного рода научных теориях. Но как только в той или иной области знания начинает создаваться теория революционная, она вызывает в старых кругах непреодолимую реакцию, она настраивает их против углубления и расширения теоретических построений вообще. Сколько лет занимались наши почтенные книговедческие товарищи схоластическими доказательствами того, что библиография — «тоже наука» (вместо того чтобы показать, какая же она именно наука и как ее сделать жизненной наукой). Теперь, когда библиография действительно начинает нащупывать свое теоретическое научное обоснование, начинают опасаться предстоящей «переоценки ценностей», начинают опасаться соприкосновения ее с социологическими обобщениями, начинают суживать самое понятие библиографии (ср. стр. 54).

Одни, ссылаясь на то понимание терминов, какое угодно устанавливать в их школе, оставляют библиографии лишь какие-то туманные «известного рода обобщения» и отрицают за нею право на научные обобщения, которые будто бы составляют только принадлежность библиологии (это так же остроумно, как не признавать права на научные обобщения, положим, за зоологией, так как она-де входит в состав более общей науки — биологии); другие хотят ввести библио-

графию в нужное им русло, подальше от социологических обобщений и методов, выдвигая наивную формулу: «библиография — не наука, а научное знание»: третьи... третьи пытаются аргументировать даже как бы «от марксизма»: не от теории-де надо итти к практике, — «это вещь устаревшая», а главное — не следует «спешить». Если уж по-серьезному дело ставить, надо-де повсеместно собирать завоевания марксистской мысли (марксисты-книговеды СССР, как известно, склонны завоевания «игнорировать»). В связи с выдвигавшейся марксистами мыслью о необходимости переработки брюссельской десятичной классификации на новых методологических основах читаем, напр., в трудах I съезда такую тираду: «Очень много говорилось о том, что нужно порвать (?) связь с Брюсселем и разработать новую систему. Это неправильно. Опыт Запада должен быть учтен. Зачем нам совсем (?) отмежевываться от Брюсселя? Марксистская мысль очень сильна и на Западе. А ленинизм ведь является практическим применением (хорошенькое понимание «ленинизма»!) марксизма, его непосредственным продолжением. Нельзя игнорировать западную марксистскую (это в Брюссельском-то институте — марксистская?) мысль. Мне кажется, что вредно такое творчество, которое совершенно оторвано от Запада» (Е. Шамурин — «Труды», стр. 84). Некоторые с жаром начинают доказывать, что наука создается индуктивным, мол, путем, что надо меньше «теоретизировать», а обратиться «сначала» к изучению мало знакомой нам библиографической истории, забывая при этом, что без научной теории не может быть и научной истории — правильного понимания исторического процесса и научно-обоснованных обобщений и прогнозов: в свое время старик Энгельс непочтительно называл таких исследователей — «индуктивными ослами»: они раскапывают и тянут на своем горбу груз каких-то фактов, но, лишенные руководящей «дедукции» (теории), не могут справиться с научным их объяснением и дать действительно научно-плодотворные выводы. Истина не в «индукции» и не в «дедукции». Их односторонность преодолевается опять-таки лишь синтетическим учением о научном выводе, которое дает диалектика...

Так — разными путями, опираясь иногда на аргументацию, мимо которой нельзя пройти без улыбки, — наши противники разных оттенков все приходят к одному давно известному Риму: на теперешнем этапе своего развития книговедческим дисциплинам без широкого теоретико-философского обоснования уже не обойтись, но нельзя ли все-таки «пока» обойтись как-нибудь без... марксистской теории.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX ст. С приложением обзоров: 1. Литература революционного периода. 1918—1923 гг. 2. О пролетарском творчестве. 3. Вопросы поэтики. Изд. 4-е, перераб. и значит. дополн., стр. 445, ц. 2 р. 50 к.

Литература великого десятилетия (1917—1927 гг.). (Художественная литература, история литературы, критика и пр.) Том I.

Библиография трудовой школы. Изд. Наркомпроса. М. 1920 г.

Летняя школа. Обзор литературы по строительству летней школы в России и на Западе [составл. совм. с Б. Е. Лукьяновским], стр. 94, ц. 40 к.

Город в произведениях художественной литературы. (I. Город капиталистической эры.—II. В борьбе за новый город.—III. В городе переходной эпохи.—IV. Грядущий город.) Изд. 3-е [составл. совм. с О. С. Лейтнеккер и Б. Е. Лукьяновским], стр. 368, ц. 2 р. 50 к.

Путеводитель по библиографическим источникам. (Обзор библиографической литературы.) Том I. (1917—1927 гг.)

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Ленинниана. Под ред. И. В. Владиславлева.
Том I и II под общей ред. Л. Б. Каменева.
Том III под общей ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова и И. И. Скворцева-Степанова. (Институт Ленина при ЦК ВКП (б).)

Том I. Библиографический обзор русской литературы за 1924 г. Стр. XIII×528. Ц. 3 р. 50 к.

Том II. Библиографический обзор русской литературы за 1925 г. Стр. 772. Ц. 6 р.

Том III. Библиографический обзор русской литературы за 1926 г. Стр. 231. Ц. 5 р.

Библиографический ежегодник. Под ред. И. В. Владиславлева (Библиографический обзор.) Классификация по десятичной системе.

Выпуск V. *Книга в 1921—1922 году.* „Книга". Стр. 256. Ц. 2 р.

Выпуск VI. *Книга в 1921—1923 году.* Стр. 482. Ц. 4 р.

Выпуск VII. *Книга в 1923—1924 году.* С приложением сводного обзора о деятелях науки, литературы, искусства за 1918—1923 гг. Стр. 437. Ц. 5 р.

Выпуск VIII. *Книга в 1924—1925 году.* С прилож. сводного обзора дополнительных рецензий к предшествующим выпускам. Стр. 313. Ц. 4 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

60 коп.

3
018520/687

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Книга в 1925 году. Статьи. Статистические материалы. Систематический указатель книг и журнальных статей. Под ред. А. А. Боровского, Е. И. Шамурина и Н. Ф. Яницкого. (Ежегодник Государственной Центральной книжной палаты РСФСР. Выпуск 1-й). Стр. 696. Ц. 7 р. 50 к.

Витман, А. М., Покровская (Хаймович), Н. Д. и Эттингер, М. Е. Восемь лет русской художественной литературы (1917—1925). Библиографический справочник. Под ред. и со статьей М. А. Рыбниковой. „Семинарий по современной литературе". Стр. 377. Ц. 4 р.

Мандельштам, Р. С. Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Библиографический указатель. Ред. Н. К. Пиксанова. Изд. 4-е, перераб. (Госуд. Академия Художественных наук. Библиологический отдел.) Стр. 224. Ц. 1 р. 75 к.

Пиксанов, Н. К. Два века русской литературы. Введение. Темы для литературных работ. *Систематическая библиография.* Руководящие вопросы. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. Стр. 201. Ц. 2 р.

О Белинском. К 75-летней годовщине со дня смерти. Составлено Библиографической Комиссией Петрогубполитпросвета. Стр. 40. Ц. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА.

HECKMAN
BINDERY INC.
SEP 92
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008295971